

Б. Конофальский **ИНКВИЗИТОР**

Божьим промыслом
книга 13
ПРИНЦЕССЫ
И ЗАМКИ

Борис Конофальский

**Инквизитор. Божьим промыслом.
Книга 13. Принцессы и замки**

«Автор»

2024

Конофальский Б.

Инквизитор. Божьим промыслом. Книга 13. Принцессы и замки /
Б. Конофальский — «Автор», 2024

Герцог не даёт скучать своему вассалу. Хоть Волков и мечтает о покое, мечтает закончить строительство своего замка и разбираться со своими делами, но ему снова приходится отправиться в поход. И кажется, на сей раз, ему будут противостоять люди не простые.

Борис Конофальский

Инквизитор. Божьим промыслом.

Книга 13. Принцессы и замки

Часть 3. Принцессы и замки

Глава 1

– Говорю вам, дуракам, говорю, да вам, видно, всё равно, – беззлобно бубнил барон, подставляя руки под рукава чистой рубахи. – Словно не слышите меня.

Старший из слуг, Гюнтер, ничего на эту брань не отвечал, то не его была вина, а младший даже дышать теперь боялся. Но господин вины не делил и продолжал ругать обоих:

– Сколько раз просил вас не топить на ночь печи чрезмерно? Знаете же, болваны, что в духоте я спать не могу.

Слуги продолжают молчать, и теперь после рубахи старший подаёт господину панталоны, а младший, Томас, хватает таз с грязной водой, вчерашнюю господскую одежду и убегает прочь, чтобы в эту грозную минуту быть от господина подальше.

– Полночи, полночи ворочался в полусне, пока сквозняк духоту не выгнал, а вы-то храпели у себя знатно, – продолжал барон, надевая панталоны и вставая.

Обычно он одевался сам, но сейчас лишние движения отдаются ему болью в боку, который ещё не зажил после ранения, и Гюнтер помогает ему застегнуть жёсткие пуговицы на панталонах. А потом надевает ему на ноги сапоги из мягкой чёрной замши.

Волков поднимает и опускает руки, чтобы понять, как отзовется на эти его движения рана. Бинты с корпуса врачи ему снимать не рекомендуют до тех пор, пока рёбра не срастутся совсем. Пока полностью не пройдут боли.

А Гюнтер протягивает господину красивый колет, что идёт к уже надетым панталонам. Серая изысканная парча колета и серебряные пуговицы выглядят весьма благородно, но эту одежду, узкую и утягивающую, он будет надевать, когда окончательно поправится. А сейчас он жестом просит слугу подать ему обычную стёганую куртку, висящую на крышке сундука и отличающуюся от солдатской только тем, что плечи и грудь её были обшиты прекрасным синим и поэтому недешёвым сатином.

– Вы эту шапку имели в виду, господин? – спрашивает Гюнтер, показывая барону ныне модную в столице мягкую, с фазаныным пером, приколотым красивой золотой брошью, энгерскую шапку.

Волков молча берёт шапку, подходит к зеркалу, надевает шапочку чуть набок, так, как сейчас их принято носить. А слуга, подойдя сзади, накидывает ему на плечи плащ, опушённый по краю мехом.

Барон фон Рабенбург доволен тем, как он выглядит. В таком виде он может показаться в столице и даже при дворе. Ну а простая стёганая куртка... Так она только выражает его принадлежность к военной касте, отлично подходит к мечу и богатому поясу, а также подчёркивает его скромность.

Гюнтер надевает ему пояс с мечом, потом подаёт перчатки, и как будто узнав про то, что генерал собрался, в дверях появляется уже одетый Хенрик.

– Господин генерал, карета готова.

Выезд с собой он брать не стал, не раз уже слышал, что пышные кавалькады богатых сеньоров, прибывших ко двору, давно уже раздражают горожан. Взял с собою лишь Хенрика и фон Флюгена. И поехал, выставив локоть из окна кареты. Утро было тёплое, светило солнце, он улыбался и даже помахивал рукой миленьким горожанкам, которые в ответ ему тоже улыба-

лись и делали книксены. Улицы Вильбурга, города столичного, были намного чище улиц торгового города Фёренбурга. И люди тут были опрятнее, вежливее. Они охотно кланялись барону, который смотрел на них из своей богатой кареты. И всё это ему нравилось. И тут, подобно воробыиной стае, едва ли не из-под копыт коней его кареты вылетело с полдюжины детей.

– Вот сейчас кнутом-то!.. – орёт на них кучер, а они разбегаются в разные стороны...

«Даже дети простых людишек – и те здесь чисты, – отмечает про себя барон. – Хорошо бы и в Малене так чистить улицы, как тут. Да только разве такое возможно? Для чистых улиц нужны деньги, а городской совет Малена лучше пойдёт и повесится в полном составе на городской стене, чем потратит лишний крейцер на эдакие пустяки и забавы!».

А ещё он не успел позавтракать и потому особенно отчётливо чувствует запахи, что несутся к нему из раскрытых дверей харчевен или даже из распахнутых окон домов. Запахи жареного лука, кислой капусты и жарящейся на огне колбасы. А ещё запах сливочного масла, которое растопили и вот-вот добавят в тесто для булок. Волков чувствует голод.

Если бы он не валялся до последней минуты, а встал так, как и задумывал, то непременно успел бы позавтракать. Но так как ночь он спал дурно, под утро вставать сил у него не нашлось. Тем более, он оправдывал свою лень тем, что и в боку у него рана, и что приехал он, по сути, с войны, где жил в условиях казарменных, и что хотя бы теперь ему можно поваляться в постели.

В общем, дело, ради которого он выехал голодным, было таким приятным, что можно было голод и потерпеть. Тем более, что его кучер сразу за стенами монастыря кармелиток стал брать правее, на неширокую, но очень приятную улочку Кружевниц.

Булочные, колбасные, красивые невысокие, не больше двух этажей, выбеленные фак-верки для простого, но приличного люда высились слева от его кареты – и тут же справа серьёзные каменные дома с большими воротами и внутренними дворами. Это уже для иной публики. Тут мог поселиться и кто-то знатный, человек с не последней фамилией, сеньор земли Ребен-рее или большой купец Вильбурга, голова какого-нибудь важного цеха, большой меняла-банк-ир. Но чаще тут селились придворные, первые чиновники из тех, что не знатны, но сведущи. Которым никогда не подняться выше родственников курфюрста, но на плечах которых и держится весь бюрократический механизм той немалой земли, что принадлежит роду Маленов.

Хенрик, всю дорогу ехавший впереди вместе с фон Флюгеном, остановил коня и, когда карета поравнялась с ним, указал плетью на большие, с хорошей резьбой ворота:

– Вот этот дом, генерал.

А фон Флюген, уже подскакав к воротам и не увидав верёвки колокола, что висела перед ним, стал молотить в ворота. И стучал до тех пор, пока ворота не стали отворяться.

И тогда карета снова покатила и заехала на двор. Барон увидел в уютном дворике хорошего дома трёх людей, один из которых был дородным чиновником казначейства Его Высочества – Волков уже несколько раз видел его во дворце, – второй был писцом из того же ведомства, а третий... То был немолодой, тонконогий человек в чёрных чулках и другой чёрной одежде. Под мышкой он держал кипу бумаг, бережно прижимая их к себе, а на поясе у него висела переносная чернильница. Был он не беден, имел хороший, тёплый суконный камзол и дорогой бархатный берет.

«Судейский».

Барон уже давно научился почти безошибочно опознавать жителей Вильбурга по манере одеваться и вести себя. А судейский, опередив не успевшего спешиться фон Флюгена, подлетел к карете, едва она успела остановиться, жестом необыкновенной учтивости распахнул дверцу и, откинув ступеньку, поклонился:

– Господин барон фон Рабенбург.

А Волков, поставив ногу на ступеньку, выходить из кареты не спешил, смотрел на этого ловкача и интересовался:

– Допустим, я Рабенбург, а вы кто?

– Я Бернхард Гиппиус, с вашего позволения, нотариус с дипломом от городской коллегии юристов.

– Добрый день, господин барон, – подходит к карете и чиновник из казначейства, он тоже кланяется, – моя фамилия Готлинг, а этот господин припёрся... – Готлинг косится на нотариуса, – этот нотариус тут по своей воле. Он нам не нужен, сделка по передаче вам недвижимого имущества уже оформлена личным нотариусом Его Высочества господином Гютгертом.

– Пусть господин нотариус побудет тут, раз уж пришёл, – говорит Волков и наконец вылезает из кареты. Тем самым радуется нотариуса, после чего тот ещё раз кланяется Волкову. А сам барон оглядывает дворик и продолжает: – Ну, господин Готлинг, давайте уже осмотрим подарок Его Высочества.

– Конечно, конечно, господин барон, – отвечает чиновник, и они приступают к осмотру дома.

Волков не приглашал нотариуса Бернхарда Гиппиуса с собой осматривать дом, но когда тот пошёл следом за ними, он не возражал: пусть идёт.

Дом оказался даже побольше того, что генерал приобрёл в Ланне. Немного, но побольше. Но вовсе не такой просторный, какой нынче был генералу надобен. Что там говорить, теперь у него была семья. Жена и сыновья. Сыновьям нужна была комната с кроватью и гардеробом и полатами для няньки. То есть комната большая. Дело в том, что герцог уже приглашал его однажды, несколько лет назад, кажется, на праздник с семьёй, то был пир в честь фамилии. Притом курфюрст беседовал с ним и припомнил, что баронесса – его родственница. И тогда Волкову удалось отговориться тем, что она на сносях и дорога будет ей в тягость. А когда он рассказал о том приглашении супруге, так та стала упрекать его и заявила, что не так уж тяжело её бремя было и что она могла бы съездить в столицу. Уж три дня пути потерпела бы. В общем, она сказала мужу, что очень хотела побывать в Вильбурге, в котором давно не была. И то было её право. Она успешно родила двух крепких и горластых сыновей и тем гордилась. И хотела своих крепких детей всем показывать. Мален его супруга посетила с детьми несколько раз. И там её чад видели почти все видные горожане и, как догадывался барон, многие её родственнички, которых он опасался. Для того она и просила у него новую карету для себя и для детей, а ещё новые украшения, для того шила новые платья, для того заказывала береты с белоснежными перьями чудных бескрылых птиц из далёкой Арапии. На что ему, разумеется, приходилось раскошеляться.

И теперь, когда у него ещё и в Вильбурге будет дом, супруга не преминет воспользоваться случаем приехать посмотреть и его. А заодно и попасть ко двору, о чём Элеонора Августа давно мечтала.

А с нею и детьми неразлучна стала мать Амелия. Противная и вечно недовольная генералом старая монахиня, которая постоянно что-то бурчит про него жене на ухо. Так ей тоже потребуется помещение. Она уже привыкла жить в своей комнате в Эшбахте и в людской со слугами спать и не подумает. Впрочем, можно будет отговорить жену и не таскать монашку с собой. Жена, может, и согласится, лишь бы попасть в столицу. Но это кардинально не решило бы всех проблем, случись генералу тут жить с семьёй. Дом был крепок и не был стар, печи тут были добротными, а под небольшими окнами не зияли щели. Рамы окон сидели плотно. То есть сквозняки зимой не будут наметать снег к утру на подоконниках. И полы были неплохи, и уборные поставлены умно. Но всё равно дом тот был не уровня генерала.

Людская в доме совсем невелика, каморка, а не комната, там на лавках и полатах лишь полдюжины слуг и поместятся. А ведь ему ещё нужно большое помещение для молодых господ из выезда. Оплачивать им постой в гостиницах и стол в харчевнях было недёшево. Это сейчас у него их всего четверо, а если придётся взять ещё пару повес из хороших семей? И конюшни были малы для него, рассчитаны лишь на шесть коней. То есть места было там только на четырёх коней кареты и на двух коней верховых. И это при его-то конюшне. И опять же: а если

выезд будет при нём? Да и двор предполагал вмещать лишь одну карету, ну или, может быть, ещё и телегу. Большему там было не разместиться.

Но как там говорится в одной мудрости про дарёного коня?

– Вы всем довольны, господин барон? – когда новое владение Волкова было полностью осмотрено, поинтересовался господин Готлинг. Причём чиновник интересуется с таким важным видом, как будто сам дарит этот дом генералу.

«Вот так взять и сказать ему, что дом для меня мал. Что комнат мало. Что конюшня вообще смехотворна. Сказать ему, что конюшня тут рассчитана на скромного горожанина, а не на сеньора с выездом. Напомнить, что я герцогу сохранил целый торговый город, который дохода в год приносить ему будет... ну, наверное, столько, что десять таких домишек покупать можно ежегодно».

Но вместо этого Волков лишь ответил:

– Как же мне не быть довольным такою щедростью Его Высочества, – хотя тут же добавляет вполне резонно: – А что же в доме нету никакой мебели? Неужто прежние жильцы её увезли?

Он специально спросил об этом, так как краем уха слышал, что дом этот у кого-то конфискован. И вряд ли при конфискации дома его хозяину дозволено было вывезти имущество.

– Нет, прежние жильцы мебелью не распоряжались. Сия мебель была продана на торгах, и доход от неё пошёл в казну Его Высочества, – сообщил Готлинг.

И тут, впервые за весь осмотр дома, подал голос нотариус Гиппиус:

– Дозвольте сообщить вам, господин барон, что можно хорошую мебель поставить прямо завтра, – и добавил: – По очень умеренной цене, хоть и не новую. Стулья будут просто отличные.

Волков взглянул на него и усмехаясь спросил:

– О, так ты ещё и стульями торгуешь?

– Никак нет, – тоже посмеиваясь, отвечал ему нотариус, – просто знаю наилучшего купца, что торгует мебелью, как новой, так и подержанной. Он с удовольствием меблирует ваш дом и лишнего не возьмёт.

– А ты получишь свою долю, – продолжает посмеиваться генерал, – небольшую такую долюшечку.

Тут и чиновник с писарем тоже стали похихикивать.

– Нет-нет, – стал всех уверять Гиппиус с деланною забавной рьяностью, – ничего не получу, ни крейцера, расстаюсь только лишь из желания услужить господину барону.

– Ладно, – наконец соглашается Волков, понимая, что придётся раскошиться. Деваться ему некуда, мебель в дом всё равно нужна, как и посуда, и перины, и прочая необходимая в доме мелочь. – Сейчас поговорим о том.

И видя, что его дело почти закончено, чиновник тогда и говорит:

– Если к дому сему нареканий нет, то я от имени Его Высочества Карла Оттона Четвёртого, курфюрста Ребенрее, вручаю вам, господину кавалеру Иерониму Фолькоф, господину Эшбахта и барону фон Рабенбург, акт владения домом по улице Кружевниц, что стоит четвертым от монастыря Кармелиток, – он протягивает генералу большой лист желтоватой бумаги с красной лентой. – Сей акт написан умелой рукой и красивыми словами, заверен он первым нотариусом двора Его Высочества господином Гютгертом.

Волков перечитал акт, убедился, что всё в нем изложено правильно, и лишь тогда отпустил Готлинга и его писаря. Те откланялись и ушли.

Глава 2

– Значит, мебель хорошая и недорогая у тебя есть? – продолжал генерал, снова поднимаясь на второй этаж.

– Есть, господин барон, есть, – отвечал ему нотариус. – Довольны останетесь, уж будьте покойны. Вся мебель прекрасно подойдёт для этого дома.

Волков остановился у печи в большой комнате на втором этаже, которую он намеревался превратить в столовую, и стал рассматривать замысловатые изразцы на небольшой печи. Он даже стал трогать их руками.

– И сдаётся мне, что мебель твоя и есть мебель из этого дома.

Гиппиус молчит, но по его физиономии и так всё ясно. И Волков продолжает:

– Ты, мошенник, сначала всю мебель из дома выкупил, а теперь мне её же и продаёшь с хорошим наваром. Ну, признавайся...

– Господин барон, ту мебель выкупал не я, – наконец произносит нотариус. – То родственник мой. Он расторопный, всегда ходит на те торги, что устраивает городской судья, распродавая имущество конфискованное.

– И сколько же у вас с вашим родственником будет стоять та мебель? – интересуется генерал, переходя от печи к окну и выглядывая из него.

– Шестьсот двадцать талеров, господин барон, – отвечает нотариус так скоро, как будто всё утро ждал этого вопроса.

А барон переводит взгляд на него и уточняет:

– Это с посудой?

– Нет, господин барон, это лишь только мебель; посуду, кухонную утварь, перины, скатерти, гобелены, простыни выкупили, к сожалению, не мы, – отвечает ему нотариус.

Всё равно мебель в доме нужна, и лучше купить подержанную. Уж барон знает, сколько сейчас стоит новая мебель, соответствующая его статусу, а вернее сказать, соответствующая запросам баронессы.

– Ясно, – генерал идёт по дому дальше, – ладно, возьму, но имей в виду, если мебель дурна, или стара, или ломана, так даже и не думай её привозить, верну сразу.

– Не извольте сомневаться – мебель отличная; жене моего старшего сына, моей снохе, очень приглянулась, но у них на такую мебель денег недостаточно, – он смеётся: – Рано им ещё жить с такой мебелью, с которой бароны живут, – и обещает: – Завтра же привезу и всё расставлю тут, как было.

Волков кивает. На улице солнце уже весьма жаркое, даже тут, в доме, – и то тепло; он снимает плащ и передаёт его зевающему фон Флюгену. Но мебель – это не тот вопрос, из-за которого генерал не стал выгонять ушлого нотариуса, и вот теперь уже пришло время поговорить и о главном:

– С мебелью всё ясно, господин Гиппиус, теперь о деньгах...

И хитрому нотариусу даже не нужно задавать вопросов, он и сам всё знает наперёд:

– Если вы о продаже подарка герцога... Дом Швайгера даст за него тридцать две тысячи монет тотчас. Но Швайгеры – это злые хищники, они и берут своё за срочность, а если искать покупателя истинного, то все тридцать семь тысяч талеров можно будет за дом взять. Прикажете объявить поиск?

Но генерал сомневается:

«Нет, так нельзя. То будет неудобно, если только что подаренный герцогом дом я продам тотчас».

– Нет, – Волков качает головой, – то неприемлемо.

– Понимаю, – неожиданно согласился Гиппиус. Он и вправду всё понимал. – Тогда можно у банка Готлиба оформить отсроченное владение. Там иной раз идут на такое.

– То есть?

– То есть деньги, тысяч двадцать восемь или даже двадцать восемь и ещё полтысячи, вы получите немедленно, а в доме ещё сможете проживать год, и лишь через год уступите право владения.

– Приятель, – генерал подходит к нотариусу, кладёт ему руку на плечо и заглядывает в глаза, – кажется мне, как будто ты уже знал про все мои вопросы наперёд.

– Признаться, знал, – соглашается господин Гиппиус. – Один хороший человек из канцелярии курфюрста ещё вчера мне сказал, что этот дом Его Высочеством будет дарован вам. И что нотариус герцога уже выписал на вас «владение». А уж я, как про то узнал, начал всё выяснять про дом и про цены на него. Я знал, что вы будете ими интересоваться.

– О... Какие же вы все проворные! – невольно восхитился генерал. – Неужто ты знал, что я буду сразу думать о продаже подарка моего сеньора?

– Подумывал о том, – объясняет ловкач. – Всякий, попади в ваше незавидное финансовое положение, будет интересоваться ценами.

– А откуда же тебе знать о моём финансовом положении? – уже не очень довольнo спрашивает Волков.

– Так о том весь двор говорит, – разводит руками Гиппиус: дескать, что же тут спрашивать, когда вы у всех теперь на виду. – Все знают, что фаворит господина нашего нынче в больших долгах.

– Может, вы все знаете, откуда эти долги? – Волков, признаться, немного удивлён и тем, что он «фаворит», и что про него «все знают». Тем не менее он был раздосадован, узнав, что вокруг него ходят во дворце подобные сплетни.

– Про это, господин барон, люди говорят не много. Говорят только, что какие-то прошелыги-архитекторы вас сильно обобрали при строительстве вашего замка.

Вот теперь генерал уже и не обескуражен, теперь он раздражён: это неприятно, если весь двор знает о твоей глупости и смотрит на тебя как на дурака, которого провели какие-то там архитекторы, а если быть честным, то всего один архитектор... Да и не то чтобы он тебя провёл, не то чтобы обманул... Скорее, он сам обманулся излишней верой в свои силы. И увлёк этой верой тебя. А как дошло до настоящего дела, так выяснилось, что архитектор де Йонг ремесла своего досконально и не знал. И за строительство замков ему братья было рано.

Нет, этот обаятельный и открытый молодой человек, которого одинаково привечали и звали к обедам и баронесса, и госпожа Ланге, который мог скрасить самый скучный зимний вечер, выстроил прекрасную церквушку в Эшбахте. Хоть и была она давно уже мала для села, но необдуманная её малость красоты церкви не отменяла. И прекрасная часовня, поставленная им на перекрёстке перед Эшбахтом в честь местного святого, была на удивление мила и восхищала многочисленных паломников. А дом госпожи Ланге на берегу реки над обрывом! Он был великолепен и встречал всех, кто собирался швартоваться к многочисленным пирсам Амбаров или даже проплывал мимо. Его отлично было видно с реки. Большой, дорогой и красивый. Из-за этого дома баронесса, живущая в доме много более скромном, не раз упрекала своего мужа. Упрекала едко, да и по делу.

Пирсы на берегу и отличные склады тоже ставил де Йонг. И тогда барон был доволен тем, что в его земле выстроил себе небольшой дом этот толковый молодой человек. Генерал даже не дал его в обиду, когда любимый племянник Бруно с цифрами доказывал дяде, что к рукам архитектора прилипает серебра больше, чем должно. Тогда Волков не стал упрекать де Йонга, который уже всерьёз готовился к большой работе. К строительству замка.

В общем, это была и его вина тоже. Барон должен был понять, что постройка столь сложного сооружения в столь сложном месте, может быть, не по плечу молодому человеку, которому к тому времени не было, наверное, ещё и двадцати пяти лет. Волкову нужно было вспомнить, что предыдущий опытный и известный архитектор, с которым он обсуждал проект замка, называл сумму в два раза выше, чем просил за свой более сложный проект де Йонг.

Но именно тогда генерал и соблазнился предложением молодого человека. И именно из-за более низкой цены. И уверенности де Йонга в своих силах.

Потом началась подготовка к строительству. Полгода барон, почти позабыв про свои наделы, гонял крестьян в барщину на рубку кустарника и выкапывания глины. Он приказывал формовать и «жечь» до нужной кондиции кирпич, отвозил его к мысу и аккуратно складывал там для удобства на берегу. Закупал и свозил туда же другие материалы и, видя, как всем этим умно руководит архитектор, он и подумать не мог, что что-то пойдёт не так.

И вот почти пять лет назад, в конце зимы, когда всё было готово, де Йонг наконец приступил. Около двух сотен рабочих, часть из которых была набрана тут же в Эшбахте из крестьян и солдат, начали рыть вокруг утёса – на котором и должен был частично стоять замок – яму под фундамент. Но в освобождённое от грунта пространство тут же начала просачиваться вода. И тогда молодой архитектор убедил барона, что это не беда. Дескать, как только сойдут внешние воды, то и тут станет сухо. Надо только подождать. Но пришлось ждать почти до лета, прежде чем пришло понятие, что грунт под восточной и южной стенами замка будет слишком влажным, чтобы выдерживать их. И что придётся его немного укрепить. Просто нужно забить в грунт двести дубовых свай. Ну хорошо... Двести дубовых свай, конечно, увеличивали смету, но незначительно.

Вот только для таких работ нужны специальные рабочие с инструментом и со знающим делом инженером, и, к сожалению, такой инженер со своей бригадой оказался занят. А других в округе не было.

«Ничего страшного, – уверял архитектор барона. – Закажем инженера в Нижних землях, там таких предостаточно, а пока, чтобы не терять время и, что немаловажно, деньги, я начну ставить стены на утесе. На твёрдом камне».

И начал. И стены и вправду стали расти. А к осени приехал инженер ван Хубер, знающий толк в сваях; он, походив денёк и поглядев на всё вокруг, а потом посидев с чертежами замка ещё один денёк, пришёл к Волкову и де Йонгу и сказал:

– Вы, господа, видно, изволите шутить, когда говорите, что тут потребуется двести свай. Нет, нет, нет... Готовьте шесть сотен свай, да ещё надобно будет сделать специальную связывающую опалубку, часть из которой должна быть железной. А иначе я и браться за такое дело не буду. А ещё перед началом мне нужно будет провести дренаж. И в этом году мы уже точно дело не начнём. Так как опалубку надобно подготовить заранее.

И только за один приезд этого человека барону пришлось выложить шестьдесят три талера. А потом ещё и согласиться и подписать с ним контракт, который увеличивал всю стоимость замка сразу почти на двадцать процентов.

Уже тогда Волков был недоволен де Йонгом. Он и без этих дополнительных расходов вынужден был для ускорения строительства хоть немного, но занять денег, так как набранной им суммы уже не хватало, а теперь долги, от которых он так старался избавиться, снова начали расти.

И этот ван Хуберт оказался человеком и вправду дельным; приехав следующей весной со своими людьми, он сразу прорыл несколько канав для отвода воды и начал весьма проворно бить сваи. И когда подошёл со своими рвами и опалубками к южной стене, вдруг сообщил де Йонгу и барону, что тогда оказался рядом:

– Южная стена, что вы возвели, стоит на утёсе криво! А западная, которую вы собираетесь продолжить... Когда я подведу фундамент от реки, то получившийся угол замка у вас просто свалится. Конечно, западную стену можно укрепить скосом, и юго-западный угол замка тоже, но это заметно их утяжелит, отчего мне нужно будет ещё забить под них лишних двадцать две сваи. Либо перекладывайте южную стену, либо закупайте новые сваи и опалубки. В общем, готовьте, барон, деньги.

«Готовьте, барон, деньги!».

Старый вояка едва не прослезился, услышав это. Он-то уже грезил новым роскошным домом, что будет возвышаться над рекою и внушать всем если не трепет, то уважение. А тут на тебе: готовьте деньги! А как их готовить, если у него их почти не осталось?

И вот тут уже Волков посмотрел на своего архитектора тем самым взглядом, от которого у опытных офицеров и старых солдат холодела кровь. Де Йонг просто побелел после слов ван Хубера. Но тут же, собравшись с духом, пообещал барону:

– Я сейчас всё проверю.

И, схватив в охапку все свои чертежи, побежал куда-то. Раздосадованный же землевладелец уехал к госпоже Ланге, где изрядно выпил, понимая, что его планы поставить в Эшбахте замок и не утонуть в долгах терпят крах.

– Фон Рабенбург! – едко говорил он сам себе и морщился от своей глупости. – Придумал себе звонкое имя. Имечко это теперь внесено в книгу сеньоров земли Ребенрее. Назвал себя в честь замка, которого у меня нет. Зато теперь долги снова есть. Вот уж соседи будут потешаться. И поделом мне, дураку...

– Да кто же осмелится над вами потешаться? – пыталась успокоить его умная Бригитт, она своими длинными пальцами гладила его небритые щёки и обнимала его. – Соседи ваши либо людишки пустые, либо горные дикари, вами не раз битые. Кто посмеет над вами смеяться?

– В лицо, может, никто и не посмеет, – соглашался генерал. И тут же сокрушался: – Так они за спиной смеяться будут, ещё и радоваться дурости моей.

– И пусть! От злорадства глупого лишь чёрную желчь свою разольют по чреву, болеть будут, – здраво рассуждала умная женщина, и в самом деле успокаивая его и забирая него стакан. – Бросьте печалиться. Поиграйте лучше с дочерью своей, – она оборачивалась. – Анна Тереза, где вы там? Ступайте сюда, вас хочет видеть папенька. Ну где вы там? Идите сюда...

И девочка появилась в дверях, неуклюже неся в охапке бедного котёнка.

Вид белокурого ангела, который полгода как научился ходить и теперь появился в дверях с котёнком, конечно, отогнал от него все злые мысли. А как же могло быть иначе?

Честно говоря, это удивительное, божественное существо, тонкое и изящное, так разительно отличавшееся от его горластых, требовательных и с детства драчливых сыновей, всегда производило на него один и тот же эффект.

Отец вставал и брал своего ангела на руки. Его огромные и всё ещё очень сильные руки со всей возможной нежностью прижимали девочку к груди. Объятия эти успокаивали его сразу. Даже когда он чувствовал боль в ноге, стоило ему прикоснуться к дочери, как боль, казалось, утихала. И теперь он тут же позабыл о своих печалях. И вправду, стоит ли думать о злопыхателях, когда на руках у тебя такое сокровище. Сокровище, которое нужно беречь. Ведь вторую свою дочь им уберечь не удалось. Она умерла совсем недавно, в годовалом возрасте.

А на следующее утро барон, приехав к замку, никак не мог дожидаться своего архитектора. Он уже послал за ним одного из людей Сыча. А тот, приехав через два часа, сказал, что де Йонга дома нет. И жены его дома нет, и дочери тоже. Нет и повозки.

И, как выяснилось позже, архитектор его в ночь сбежал. И даже не оставил записки. Начали его искать, так выяснили, что он с семьёй ещё ночью сел на отплывающую вниз по реке баржу с овсом и хмелем. И что теперь искать его поздно. И всё, что осталось от него во искупление ошибок, так это небольшой домик, который, как вскоре выяснится, не покроет и двадцатой части всех нынешних и будущих потерь барона.

Глава 3

Как говорится, ты не узнаешь, как что-то делать, пока не возьмёшься за это сам. А деньги в замок были вложены уже такие, что останавливаться было просто нельзя. Деньги? Вообще-то вопрос уже шёл и о его репутации. Ну не мог победитель горцев и гроза всех верховий Марты смириться с поражением в таком паскудном и хамском деле, как строительство. Посему,

несмотря на новые траты, из Ланна Волковым был выписан знаменитый архитектор Копплинг с двумя помощниками. Он чем-то напоминал генералу майора артиллерии Пруффа. Так же был немолод, так же вздорен, так же краснонос. Только, в отличие от майора, архитектор в молодости выбрал правильное ремесло и к годам майора был неизмеримо богаче офицера, что подтверждали его наряды с собольими оторочками и дорогие перстни. Даже с самим бароном он разговаривал как с ровней, хотя был наслышан о его военных успехах. Когда Волков принёс ему на проверку чертежи де Йонга, Копплинг с удовольствием и ехидством их посмотрел, для чего он вооружился пером и чернилами, а потом, самодовольно посмеиваясь, макал перо в чернила и, ставя размашисто крест на одном из чертежей, приговаривал:

– Излишне самонадеянно, – ставя следующий крест на другом: – Вопиющая некомпетентность, – третий лист он «окрестил» со словами: – Абсолютная бездарность, – и ещё он, конечно, унижал и самого заказчика, исподволь вопрошая: – Позвольте у вас полюбопытствовать, господин барон, а где вы нашли этакого гения?

И с каждым таким замечанием или вопросом барон просто кожей чувствовал, как растёт и растёт смета его будущего жилища. И он сокрушённо вздыхал:

«Ублюдка де Йонга нужно было взять под стражу! Ну как я об этом не подумал сразу?!».

– Ну что ж, – исчеркав всё, что можно, новый архитектор решил продолжать. – Теперь я хотел бы взглянуть, что он вам там понастроил уже не на бумаге, а в естестве.

В итоге он остался доволен лишь двумя вещами:

– Это хорошо, что вы свезли часть материалов для строительства заранее. И ещё хорошо, что для фундамента додумались нанять настоящего мастера.

– Ну а поставленные уже стены? – с некоторой надеждой вопрошал господин барон.

На что старый архитектор ему отвечал:

– Вы, генерал, известный мастер своего дела, а я своего; вот только ваше дело – укладывать людей в землю, а моё – создавать творения на века. И я не хочу, чтобы через век сюда пришли какие-то злословы и, похихикивая, спрашивали, глядя на ваш замок: а кто этому Рабенбургу поставил такой кривой дом? А ему другой и ответит: так это проходимец Копплинг нашёл себе болвана заказчика. Так что уж увольте, дорогой барон, либо я это позорище снесу и поставлю новое, либо вовсе за дело ваше не возьмусь. Так как мне моё имя дороже, и под старость лет его похабить желания у меня нет.

– И во сколько же мне всё станет, если считать по-новому? – печально интересовался барон.

– Уж и не знаю сколько вы уже вложили, но к следующему году приготовьте семь тысяч золотых. Привезу своих мастеров и своих инженеров, часть им в уплату пойдёт. А также на разные нужды скорые. Ещё мне наперёд, за труды мои, за то, чтобы из дому меня сдвинуть, уже сейчас две тысячи аванса заплатите.

– К следующему году надобно приготовить? – Волкова расстраивали больше не страшные суммы, что просил архитектор, а сползающие в неопределённость сроки.

– Пока ван Хуберт не поставит надёжный фундамент с юга от скалы, делать тут что-либо бессмысленно. Разве только западную стену, но и с нею я торопиться не хотел бы, пока южный фундамент не встанет. Так что всё начнём только после Рождества.

Вот так его задумке пошёл третий год.

А когда архитектор, удобно устроившись у него дома, взялся пересчитывать со своими помощниками сметы, так жалел генерал лишь об одном:

«Жаль, что де Йонг сбежал... Сейчас бы я его повесил! Сам!».

Оказалось, что всё, что он уже потратил, не составило и четверти того, что ему ещё предстояло потратить. И главной бедой, как называл это старик Копплинг, был фундамент на плохих землях.

Именно он пожирал едва ли не четверть всех будущих вложений барона. Но деваться тому было уже некуда, он не мог отступить и бросить замок, поэтому поехал тогда в Мален. Занимать денег. И без труда занял сколько нужно. Но это было ещё не всё.

Потом, когда инженер ван Хуберт уехал, закончив своё дело и оставив барону очень дорогой, но надёжный фундамент с юга и востока от скалы, начались у них с архитектором нескончаемые дразги из-за расходов. Каждые несколько месяцев они собирались и начинали считать деньги. Причём архитектор предоставлял ему все возможные расчёты и счета. Но легче от них барону не становилось, так как замок требовал всё больших и больших вложений. Просто Волков не понимал, почему эти расчёты нельзя было сделать сразу правильно. Может, тогда, знай барон всё наперёд, он бросил бы эту затею. Но Копплинг ему возражал, что место для замка выбирал не он, и проект делал не он, а посему для него самого иные траты оказываются неожиданными. Как, например, траты на расширение основания южной стены, которое пришлось класть для её устойчивости. И на которое пошло кирпича столько же, сколько и на саму стену. И так было во всём.

В ругани своей они иной раз доходили до того, что старик проклинал жадность генерала и собирал вещи, чтобы уехать в Ланн. И лишь нежелание бросить дело незаконченным возвращало его к стройке. И вот так, в бесконечных упрёках, и рос замок.

И к тому времени, как герцог призвал своего вассала к оружию, замок был почти готов. Он был грозен и внушителен. Мощные и современные, построенные по последнему слову военной фортификации рavelины прикрывали северные ворота и западные углы замка. К стенам же подвести пушки было невозможно из-за реки и песчаного мягкого грунта. А без пушек этот красавец, возвышавшийся над рекой, был абсолютно неприступен.

Оставалось дело за малым, нужно было достроить кое-что внутри, хотя господские покои были уже готовы. Да ещё поставить балконы под пушки на стенах.

– Ещё тысяча двести золотых монет, полгода, и я уеду отсюда, чтобы не видеть вас больше, дорогой барон, – зло пыхтел архитектор.

– Готов найти эту сумму, только чтобы ваше обещание сбылось, но боюсь, что вы меня опять обманете, как обманывали уже полдюжины раз, – едко отвечал ему Волков.

– Ну так найдите! – раздражённо едва не кричал ему старик.

Но генерал не сдержал своего обещания ехать искать золото, воспользовался случаем и с радостью уехал на войну, а Копплинг с неменьшей радостью уехал к себе в Ланн, так и не закончив дело.

Вот так и оказался он с долгом в двадцать две тысячи гульденов и с недостроенным замком. Который нужно было уже наконец достроить. Достроить во что бы то ни стало. Барон понимал, что ему понадобится ещё больше тысячи только на достройку, а ведь этот огромный дом, в котором, при крайней надобности, запросто могло разместиться три сотни людей, полсотни лошадей и два десятка голов крупного скота, не считая всякой мелочи, ещё надобно было обставить мебелью. И для господ, и для гарнизона, и для слуг. В господских покоях положить паркет, вставить в большие оконные проёмы стёкла, обить стены, купить гобелены, чтобы зимними ночами в замке над рекою не бушевали сквозняки.

А посуда, а ковры, а зеркала, о которых так мечтает баронесса, а люстры, а канделябры...

От всех предстоящих трат, лишь только он принимался о них размышлять, у него тотчас портилось настроение, а иной раз начинала болеть голова. И что было хуже всего, так это то, что по своим долгам ему ещё приходилось платить немалые проценты. Казалось бы, он наладил у себя в поместье несколько прибыльных предприятий. Наличие недорогого угля и хороший ток на реке позволили его кузнецу поставить две кузницы, где тот с неплохой прибылью ковал железную полосу и тянул отличную железную проволоку. И полоса, и проволока пользовались большим спросом на реке, купцы стояли в очередь за таким товаром. Дело можно

было и расширить... Если бы были лишние деньги. Но их не было. Все его склады и пирсы, вся торговля, что проходила через его руки, приносили денег не больше, чем ему нужно было платить процентов по долгам. Только на это и хватало денег, а уж про то, чтобы заплатить сами долги, речи пока не шло.

А всё, что удавалось собирать с мужиков, всё, что получал он с обжига кирпича и со всего прочего, то шло на содержание дома и его любимых конюшен и на содержание семьи. Вернее, двух семей. А ещё на содержание выезда, на оплату слуг. Кое-что приносила деревенька, разросшаяся из заставы сержанта Жанзуана, который теперь превратился в дородного старосту. Там не было таможни герцога, но барон никак не мог проложить оттуда к Эшбахту хорошей дороги, а посему далеко не все товары было выгодно возить через тот край его владений.

В общем, Волков даже обрадовался, когда герцог призвал его под свои знамёна. Война – это как раз то дело, на котором всегда есть шанс заработать. Правда, он почти сразу понял, что на той войне он скорее может потерять что-то, чем приобрести. Большого труда стоило ему сохранить свои пушки. А вот дело в городе Фёренбурге отчасти поправило его финансовое положение. Оттуда он кое-что привёз. Кстати, нужно ещё было всё как следует пересчитать из того серебра и золота, что прибавилось в его сундуках после возвращения из Фёренбурга. Конечно, он мог бы взять в городе намного больше, но поначалу дело там шло не очень хорошо, и, случись в его начинаниях неуспех, так злые языки при дворе стали бы нашёптывать герцогу: дескать, ваш генерал, Ваше Высочество, в городе не за ваши интересы радел, а грабил купчишек тамошних, вот у него ничего и не вышло. А когда генерал стал понимать, что все его планы складываются относительно удачно, так он уже был к тому времени ранен, отчего потерял часть сил, устал и уже не мог действовать энергично и обдуманно. Тем не менее генерал был доволен проделанной работой, доволен отношением своего сюзерена – правда, считал, что тот мог быть более благодарным, хотя бы на тысячу золотых. И теперь, стоя у окна подаренного дома, он говорил ловкому нотариусу:

– Вези мебель завтра, к этому же времени. Приеду посмотреть; если она и вправду недурна, то заплачу тебе то, что просишь.

– Прекрасно, прекрасно, – кивал тот, – а как же с остальным всем? Как с домом желаете поступить? Думаете ли продавать?

– Экий ты братец недалёкий, однако, – усмехался генерал. – Зачем бы я стал покупать сюда мебель, если бы собирался дом продавать?

– Ох и пустая моя голова! – восклицал Гиппиус. – Как пожелаете, господин барон, – он кланяется, – завтра же привезу вам мебель.

Генерал уже и позабыл про это важное дело.

Одной из сильных его сторон было подбирать себе толковых людей, а тех, кто не очень толков, подтягивать до нужных высот. Этого человека подтягивать нужды не было. Едва генерал расселся удобно в одной чистой харчевне с характерным названием «Белая гусыня», как там появился молодой человек, которого генерал хорошо знал, но про которого, признаться, благополучно позабыл. Теперь же, увидав его, он указал на молодого человека вилкой и спросил:

– Кажется, вас зовут Эрнст Хаазе?

Офицер поклонился ему:

– Эрнст Амадей Хаазе, господин генерал.

– Отлично! – продолжал Волков. – Вы зашли сюда позавтракать?

– Никак нет, господин генерал, я узнал вчера, где вы остановились, пришёл туда утром и узнал от ваших слуг, что вы поехали смотреть новый дом, я поспешил за вами и тут увидел вашу карету у этого заведения, – объяснял ему молодой офицер. – С вашего позволения, я подожду вас, пока вы закончите завтрак, и расскажу вам, как идут дела с вашими пушками.

– Нет нужды ждать, – Волков был в добром расположении духа после осмотра дома и решил покормить офицера, так как помнил, что у того с деньгами было плохо. – Садитесь и рассказывайте.

И пока благодарный офицер, гремя мечом, усаживался за стол напротив него, он подозвал разносчика и сказал тому:

– Ещё одну гусиную ногу, порцию бобов, капусты и брецель, а ещё две кружки темного.

– Благодарю вас, господин генерал, – Хаазе, усевшись за стол, рукой расправил волосы.

– Не благодарите, лучше расскажите, что с моими пушками, – просит Волков.

– К сожалению... – начал офицер, – с вашими пушками не всё так хорошо, как мне хотелось бы.

– Они не готовы?

– Нет, – офицер покачал головой. – Мастер-литейщик Браун отлично подновил им запальные отверстия, наварил нового металла на прогарах, залил трещины на стволах и отвёз их к каретному мастеру Вульффу для укладки пушек на лафеты, но тому не выдали на то денег, и сейчас лишь одна картауна лежит на лафете, да и тот ещё не до конца готов, а остальных лафетов нет вовсе.

Это была неприятная новость, омрачившая ему утро и завтрак. Генерал даже пожалел, что не дождал окончания завтрака, прежде чем узнавать у Хаазе новости про свои пушки.

Глава 4

После завтрака, или уже обеда, он взял с собой ротмистра Хаазе и поехал на Тележную площадь, где среди прочих мастеров свою мастерскую держал вместе с сыновьями каретных дел мастер Вульф. И то, что мастер этот был отменный, никто бы сомневаться не посмел, так как на воротах его мастерской красовался герб дома Ребенрее, означавший, что клиентом этой мастерской является сам герцог. Бойкий ещё старичок, понимая, с кем говорит, был услужлив и всё объяснил Волкову:

– Сами понимаете, господин генерал, ложе под ствол идёт из морёного дуба, как бы ни хотелось, а осину туда не положить, вы такое и сами у меня не примете, ещё и бранить меня станете: зачем такое вытворил. Материал под это дело идёт первейший по крепости. А денег от казны мне не дали, этот лафет, – мастер указал на почти законченный лафет, на котором уже лежала бронзовая картауна Волкова, – я начал, так за свои деньги и сделал. Вы уж меня простите, господин генерал, но торговцы деревом мне в долг под обещания казны давать дуб отказались.

– Это понятно, – мрачно произнёс Волков, обходя со всех сторон свою пушку. В общем он был доволен работой Вульфа. А тот, в свою очередь, продолжал:

– К колёснику пошёл, так он говорит: сделаю тебе колёса, ты мне только заплати за спицы вперёд, а за каждую спицу просит талер сорок, так на все ваши пушки насчитал одних спиц на сорок семь монет с установкой вместе, и то не считая стоимости самих колёс. И ступиц, и осей.

– Так, значит, вы совсем не получили денег из казначейства на мои пушки? – спрашивал генерал, а сам вспомнил повеление герцога, в котором те лафеты упоминались. Причём повеление то было письменное.

– Ни талера, господин генерал, – божился мастер, – ни талера.

Волков оглядел работу мастера-литейщика и в общем, по большому счёту, остался ею удовлетворён: у обоих тяжёлых орудий, и у картауны, и у длинного лаутшланга, запальные отверстия были обварены хорошо. И теперь из них снова можно было долго стрелять, не стесняясь класть пороха столько, сколько нужно. И над их стволами пушечные мастера потрудились хорошо. Да и три его кулеврины были подправлены, где надо, хотя тут он заметил в работе некоторую небрежность. Словно последние работы мастера проводили в спешке. Или...

«Неужто и литейщикам денег казна не доплатила?».

Впрочем, если бы его пушки ещё поставили на лафеты, он бы придираться не стал.

Дел у генерала больше никаких вроде не было, и он, опять же прихватив с собой ротмистра, поехал из мастерской во дворец. Нужно было этот вопрос решать, и решать его побыстрее, иначе за утраченные лафеты ему придётся платить самому, несмотря на распоряжение герцога.

И его карету без всяких вопросов впустили на большой двор замка Его Высочества. Генерала и его герб стража узнала сразу. А вот ротмистр видел дворец изнутри явно впервые. Не то что Хенрик или фон Флюген. Он выглядывал из окна кареты, рассматривая большие стёкла дворца и красивую лестницу с большим интересом и иной раз всё-таки поглядывая на своего командира.

Когда карета остановилась, Хаазе первый выпрыгнул из неё и, опередив Хенрика, откинул для генерала ступеньку. Откинул и отошёл в сторону, явно собираясь ждать Волкова тут, но тот сказал весьма мрачно:

– Хаазе, пойдёте со мной.

– Конечно, господин генерал, – отозвался молодой человек.

Он волновался, поднимаясь по лестнице за своим начальником. Понятное дело, дворец курфюрста. Сюда всякий, даже благородный, человек попасть просто по своей прихоти не может.

И ему было всё очень интересно.

В приёмной казначейства было немало народа, но секретарь, вскочив со своего места, с поклоном сообщил генералу, что казначея нет на месте и будет он не скоро, так как его вызвал курфюрст для каких-то дел. И чтобы не торчать в приёмной, как какой-нибудь купец, Волков направился напрямик в канцелярию Его Высочества.

Некогда это было самое многолюдное место во дворце, тут собиралось множество людей, чтобы переговорить со всесильным канцлером герцога, решить с ним какие-то вопросы или просить его о чём-то; теперь же, когда его звезда была близка к закату, людей в приёмной заметно поубавилось.

«Верный признак того, что немилость к фон Фезенклеверу всё ближе и ближе».

Секретарь тут же доложил канцлеру, что прибыл генерал, и вскоре посетитель из комнат канцлера вышел, а сам он появился в приёмной, чтобы лично встретить Волкова.

– Друг мой! – фон Фезенклевер проявил максимальное радушие, он подошёл и обнял генерала. – Рад поздравить вас с очередной победой. С блестящей победой. Я знаю, что вы уgomонили спесивых горожан Фёренбурга, этих извечных бунтарей.

Они ушли в кабинет, а Хаазе остался прохаживаться с дюжиной ожидающих в приёмной канцелярии.

– Вина? – предложил фон Фезенклевер, когда генерал уселся в кресле посетителя.

– Нет, благодарю вас, я только что из-за стола! – отвечал Волков и тут же предложил: – С вином мы можем посидеть после, может быть, вечером как-нибудь. Заодно и расскажете мне, что здесь при дворе происходит.

– Прекрасная мысль, с удовольствием расскажу вам новости и про себя, и про двор. Может, завтра и устроим ужин?

– Завтра? Отлично, мне подходит. А сейчас хочу поговорить о делах.

– О чем же, друг мой? – интересовался канцлер.

И тогда барон рассказал канцлеру про свои пушки и лафеты. Про повеление герцога, которое не выполнили.

Фон Фезенклевер морщился и вздыхал.

– Двор даёт обещаний больше, чем в состоянии выполнить, – и тут он перешёл на тон ниже, почти на шёпот: – Правда, на подарки неким очаровательным особам мы деньги находим. Недавно одной такой особе был подарен замок Швангау на самом берегу Марты, новый,

прекрасный замок в живописнейшем месте, а к нему шесть тысяч десятин отличной пахотной земли, и всё это поместье стоимостью будет не менее четырёхсот двадцати тысяч, – он развёл руками. – А семь-восемь тысяч талеров на пушечные лафеты для своего лучшего рыцаря герб найти не может.

Волкову было, конечно, приятно слышать, что он лучший рыцарь герба Ребенрее, но ещё приятнее ему было бы услышать что-то дельное по поводу лафетов.

– И что же мне, по-вашему, не стоит и думать о деньгах из казны?

Тут канцлер махнул рукой:

– Я займусь этим, поговорю с Нагелем, у этого жука всегда найдётся пара мешков серебра в самом тёмном углу казначейства. А если он заартачится, то схожу к самому принцу. Напомню ему, кто спас богатейший город севера его земли.

– Я был бы вам очень признателен, господин канцлер.

– Ах, оставьте, – отмахнулся Фезенклевер. – Надеюсь хоть чем-то помочь вам, пока меня не отправили в отставку. А пока давайте-ка напишем прошение, напомним Его Высочеству про его обещание, хотя он очень не любит, когда ему про них напоминают, – он взял колокольчик и позвонил в него, и когда из задней двери показался писарь канцлера, приказал: – Адольф, напишите прошение на высочайшее имя.

Волков подписал бумагу, канцлер её завизировал и договорившись о будущем ужине, они тепло попрощались; и генерал покинул приёмную фон Фезенклевера.

Дело шло к обеду, и на главной балюстраде замка было многолюдно. Вельможи, приехавшие из провинции сеньоры, чиновники, наконец блестящий выезд герцога – все эти люди толпились тут в надежде попасть на глаза курфюрсту, который пойдёт обедать, а может, и попасть к нему за стол. А вот генерал, напротив, пытался проскользнуть через собравшихся господ так, чтобы не угодить герцогу на глаза. Встретиться сейчас с Его Высочеством было бы... нехорошо. Ещё вчера он лежал в постели и даже не встал в присутствии курфюрста, а сегодня разгуливает по его дворцу как ни в чём не бывало.

Поэтому они с Хаазе быстро пробежали мимо столовой герцога и стали спускаться вниз, но этажом ниже им навстречу попала стайка придворных красавиц. Их было четыре. Молодые, яркие, они шли генералу и его офицеру навстречу, и Волков увидел, как одна из них, ещё издали, стала махать ему рукой, пытаясь привлечь его внимание:

– Генерал! Генерал!

Он сразу узнал её, несмотря на то что никогда не видел эту женщину в таком наряде. Лиф голубого платья, расшитый жемчугом, с кружевным воротом «под горло», большой и прекрасный бархатный берет с белым пером цапли никак не утаивали великолепной фигуры и очаровательного лица юной женщины. Это была как раз та, кому Его Высочество жаловал роскошные замки на берегах рек и богатые пашни стоимостью в четыреста двадцать тысяч талеров.

София фон Аленберг быстрым шагом шла к нему. Волкову пришлось остановиться и подождать её.

– Ах, как хорошо, что я вас встретила! – начала красавица, подходя к нему ближе. – Здравствуйте, я справлялась о вас, но мне сказали, что вы тяжело ранены и не поднимаетесь с постели. Как хорошо, что вы уже на ногах. Как вы себя чувствуете?

– Пытаюсь чувствовать себя хорошо, – улыбался генерал. – Уж и не знаю, получается ли. Дамы засмеялись и одна из них произнесла:

– Но выглядите вы хорошо, генерал!

– Дамы! – Волков поклонился и сказал – На вас же невозможно смотреть... Вы лучезарны. Боюсь ослепнуть от такой красоты в таком количестве.

– Ах, не смущайте нас, генерал! – воскликнула София фон Аленберг. Женские сердца так уязвимы для комплиментов и лести, – и поглядела на молодого ротмистра. – Простите, что

не представляю вам моих прекрасных спутниц, надеюсь, что сегодня мне ещё представится такая возможность. Но кто это с вами?

Хаазе стоял в нелепой позе, он застыл, выпучив глаза на прелестную женщину.

Волков взглянул на него.

– А это мой офицер-артиллерист, господин Хаазе.

– А он миленький! – произнесла одна из дам, улыбаясь.

От этой простой фразы по лицу и щекам ротмистра пошли алые пятна, словно ему надавали пощёчин. Он раскрыл рот, намереваясь что-то ответить, но, видно, не нашёл слов.

– Аделаида! – тут же воскликнула первая красавица дворца со смехом и упрёком. – Не смущайте этого юного рыцаря, – и тут же она снова заговорила с Волковым: – Господин генерал, если вы уже в силах ходить, я умоляю... – тут она обернулась к своим подругам, ища их поддержки, – мы все вас умоляем поужинать с нами. Нынче вечером.

– Поужинать? – с некоторой растерянностью переспросил барон.

– Да-да, поужинать и рассказать нам, как вам удалось перебить всех еретиков в Фёренбурге!

Волков смотрел на неё всё ещё с удивлением, а дамы стали дружно, как по команде, его уговаривать:

– Генерал, мы вас просим, просим...

И так они галдели и подпрыгивали возле него, что ему пришлось согласиться.

«Распутницы умирают со скуки? Или хитрая София осваивается в замке и уже ведёт какую-то свою игру? Скорее всего первое. Для политических игр она ещё слишком юна. Вечная проблема дворцов, где беспечная придворная знать ищет, чем себя развлечь. И выбор у бездельников небогатый: любовные интрижки, борьба за место рядом с сюзереном, пиры, балы и охоты. Так что будем надеяться, что её терзает скука».

Он вздохнул и произнёс:

– Дамы, обещаю, что я попытаюсь. Если здоровье позволит мне.

– Позволит, позволит... – хлопали в ладоши дамы. А сама София продолжала: – Мои покои в правом флигеле, сейчас же распоряжусь принести из погребов лучшего вина.

– Я постараюсь быть, – вынужденно, но в то же время со всей учтивостью обещал генерал.

– И захватите своего Хаазе, – со смехом сказала госпожа Аделаида, снова введя молодого офицера в ступор, от которого он только что стал избавляться.

И остальные дамы тоже стали смеяться.

– Ну, если вам кажется уместным присутствие этого молодого человека на ужине, разумеется, я возьму с собой ротмистра, – обещал женщинам генерал.

Когда они расстались и Волков с Хаазе стали спускаться по широкой лестнице во двор замка, генерал взглянул на молодого человека и сказал ему сурово:

– Господин ротмистр, подберите слюну.

– Что? – встрепенулся задумчивый офицер.

– Прекратите мечтать о придворных красотках. И не вздумайте заводить с ними шашни!

– Вот как? – немного растерянно спросил Хаазе.

– Именно так! Даже если они сами будут проявлять к вам интерес. И всячески подчёркивать это.

– Но почему? – искренне удивлялся ротмистр.

– Потому что ко двору собираются самые распутные и алчные женщины, что только есть в какой-либо земле. Как мошки летят на огонь в ночи, так и они слетаются на золото и власть предрежащих мужчин.

– Но у меня нечего взять! Ни власти, ни золота. Что может привлечь таких красавиц ко мне? – не понимал Хаазе.

– Значит, их одолевает похоть... Похоть, которую я на вашем месте обходил бы стороной, – продолжал объяснения генерал.

– Так отчего же мне обходить стороной внимание таких красивых женщин, если они сами... мною интересуются.

– Я не удивлюсь, если эти дамы замужем. Вернее сказать, я почти уверен в этом. И мужья их, скорее всего, – влиятельные сановники или придворные. И они могут быть ревнивы.

– Замужем?! – продолжал удивляться ротмистр. – По-вашему, эти дамы могут быть замужем и так себя вести?

– Я же говорю вам, – не очень-то довольный бурчал генерал, дожидаясь у лестницы, пока ему подадут карету, – повторю, эти дамы алчны и распутны, они постоянно ищут подарков и новых связей. Так же, как и их мужья, которые не будут возражать, если их жены задирают подолы перед герцогом или перед... ну, например, перед обер-прокурором... Мужьям это даже будет полезно для их карьер, но когда под подол его жены полезет какой-нибудь наглец типа вас, у него вдруг может разыграться ревность.

– И что, меня эти мужья могут вызвать на поединок? – у Хаазе округлились глаза.

– Поединок? – Волков скривился. – Хаазе, вы болван! Какой ещё поединок? Такие господа пойдут на поединок только в крайнем случае, только если будут вынуждены, например, если будут оскорблены прилюдно. Такой ревнивый муж просто даст два десятка золотых какому-нибудь мерзавцу из выезда герцога, и вам проколют грудь где-нибудь в темном углу дворца. Возможно, на первый раз не убьют... Для острастки, например, разобьют вам лицо булавой. Выбьют глаз или зубы.

Тут карета была подана, и ротмистр, опять опережая Хенрика, поспешил откинуть ступеньку и открыть дверцу, и после сказал:

– Генерал, вы так рассказываете, словно такое уже было.

– Было, – Волков задержался у двери кареты, – именно так всё и случилось с одним моим знакомым, когда я служил в гвардии намного менее богатого и намного менее влиятельного герцога, чем наш. Женщины там были тоже обворожительны и часто искали альковных приключений, в том числе и с красивыми гвардейцами герцога. Но приключения чаще находили те, кто вёлся на прелести тех красоток. Так что держитесь от придворных дам как можно дальше, ротмистр.

– Что ж, – говорил Хаазе, выслушав своего командира, – буду держаться подальше от подобных красоток, как вы и советуете. Но я так и не понял: на ужин-то мне идти с вами или нет?

– На ужин идти придётся, так как я уже пообещал, но когда там будете, не пейте лишнего, будьте учтивы и запомните главное: не вздумайте флиртовать с фавориткой герцога. Это самая большая глупость, что вообще может случиться с человеком ваших лет, – Волков влез в карету, посмотрел на своего офицера и добавил недовольно: – Поедьте уже.

Глава 5

И пока было у него время, он вернулся в омерзительный трактир, в котором проживал, и занялся своими делами. Вонь прогорклого масла и пережаренного лука проникала в его комнату, из окна дуло, но его успокаивало то, что уже следующую ночь он проведёт в своём новом доме. Открыл сундуки и стал пересчитывать деньги, что ему удалось вывезти из Фёренбурга. Он уже сожалел о том, что поучаствовал в дележе добра еретиков скорее вскользь, чем основательно. Но вспоминая трудную ситуацию, что складывалась вокруг него и его людей в то время, благодарил Господа, майора Дорфуса и лихих людишек Фёренбурга за то, что хоть это взял. Да и вывез он не так чтобы совсем ничего. Барон, пересчитав все деньги, пришёл к выводу, что если он заплатит завтра за мебель и по возвращению в Мален выплатит все проценты по долгам, то у него ещё останется почти двести монет золотом и почти семь тысяч талеров серебром.

Ну что ж... Немного, но жить можно. Золото даже можно будет вложить в доведение замка до ума.

«Сколько там просил старик Копплинг, чтобы достроить замок?».

Главное, чтобы ему не пришлось оплачивать лафеты орудий из своих средств. Тут он уже уповал на канцлера фон Фезенклевера.

«Ах как жаль, что герцог его сместит, надо признать, он кое-что сделал для меня», – размышлял барон, собирая серебро в мешки и складывая их в сундук. Потерять двух союзников при дворе, таких сильных, как графиня фон Мален и канцлер фон Фезенклевер, было очень неприятно, но подделать тут Волков ничего не мог, разве что выстраивать отношения с теми людьми, что придут на место отставленных. И тут как раз была очень кстати та самая София фон Аленберг, с которой он сегодня собирался ужинать.

Новые чулки, новые башмаки, новая шапка. А ещё... Да, верно, его выдавший виды и грубоватый пурпуэн-вамс, уместный скорее на войне, был влажен. Хаазе его выстирал, но так как пурпуэн-вамс не успел высохнуть, то он напялил его почти сырым.

«На улице не так уж и жарко. Этот болван ещё простудится!».

А это не входило в планы генерала, он полагал, что ротмистр, после его отъезда в Эшбахт, продолжит заниматься пушками и лафетами, а не отправится на кладбище из-за жара и скоротечной чахотки. И тогда генерал позвал к себе Гюнтера и распорядился выдать ротмистру из своих сундуков вполне приличный колет, который был ему немного велик. Совсем немного. Сам же генерал надел любимый свой лазоревый костюм из прекрасного шёлка, который последнее время застегнуть на груди и животе было всё сложнее, и к костюму модные оранжевые чулки. Томас подал ему серебряную цепь с гербом Его Высочества, подарок курфюрста, а также великолепные туфли, мягкие, с серебряными пряжками.

А закончили гардероб всё той же кокетливой шапочкой с пером фазана, плащом с опушкой, мечом и перчатками. Волков взглянул на себя в зеркало перед выходом и остался доволен тем, что увидел. Перед ним стоял истинный царедворец, к которому благоволили и удача, и сеньор, ремеслом которого, судя по мечу, была война.

Ему бы ещё замок свой достроить и с долгами рассчитаться!

– Прошу вас, прошу, добрые господа, – юноша в модных, но дурацких «коровьих мордах» на тонких ногах был тут, видно, за мажордома и сразу стал приглашать генерала пройти, и сам тут же интересовался: – Как вас представить?

– Генерал фон Рабенбург, – отвечал Волков. И, бросив взгляд на своего спутника, добавил: – И ротмистр Хаазе.

– Ах да, конечно, вас уже ждут, прошу вас пройти сюда.

– Генерал! – едва он вошёл в богатые и просторные покои, как красавица София фон Аленберг поспешила ему навстречу, протягивая руки.

Была она необыкновенно хороша, чересчур хороша. Барон даже почувствовал некоторую неловкость, когда увидел, насколько прозрачна ткань её нижней рубахи, что прикрывала глубочайшее декольте платья. Через эту ткань всякий мог видеть то, что должно было видеть лишь курфюрсту. Тем не менее он улыбнулся и поцеловал красавицу руку, а она, играя с ним, подставила и вторую: целуйте и эту тоже.

С фавориткой герцога лучше не спорить. Поцеловать ручки... Нет ничего проще. Главное – в общении с этакой красавицей нащупать и соблюсти ту грань, за которой изысканная галантность превращается в откровенный флирт. Потом она протянула одну из рук и робющему ротмистру. А лакеи подбежали и забрали у него плащ. И так как в покоях горели десятки свечей, а в камине пылала половинка бревна, он решил отдать им ещё и шапку. Хотя другие присутствующие мужи были в головных уборах.

И тут же красавица взяла барона за руку и потащила к компании господ и дам, щебеча при этом:

– Господа... Я была невежлива и не представила вам моих подруг, когда мы встретились днём. Сейчас я всё исправлю.

И тут его ждало несколько неприятных сюрпризов; во первых, он понял, что среди собравшихся он самый старый и что на фоне юной Софии и её молодых подруг он выглядит настоящим сорокалетним стариком, а во-вторых, тут присутствовал Георг Иммануил Сольмс, молодой граф фон Вильбург, сын обер-прокурора фон Вильбурга, человека, с которым Волков и не помышлял помириться. И генерал, раскланиваясь с ним, думал:

«Как бы не вышло с ним какой свары. Выпьет вина и начнёт цепляться, не ко мне, так к Хаазе. Затеет ещё склоку. В общем, вина мне лучше много не пить и следить за разговорами».

Одним словом, ужин этот на отдых уже походил мало, скорее на деловой обед во дворце, где нужно держать ухо востро. И это несмотря на то, что дамы были просто обворожительны, а их декольте можно было смело назвать вызывающими. И тут неожиданная радость, вот уж чего он не чаял тут увидеть, так это милого лица Амалии Цельвиг. Той самой приятной молодой дамы, что как-то ночью явилась к нему вместо Брунхильды в одном лишь платье и башмачках.

– О, как неожиданно, вы сегодня в платье, – тихо произнёс барон, когда София представила ему её.

– Ах, это пока я не выпила вина, – улыбаясь отвечала ему Амалия.

– И что же, вы, оказывается, знакомы? – удивлялась хозяйка ужина София фон Аленберг, привлекая к их разговору внимание всех остальных гостей.

– Имел честь, – с поклоном сказал барон.

– А я наоборот, – продолжая улыбаться и с притворным смущением потупив глазки, призналась милая Амалия.

Шутка удалась. Это её признание тут же вызвало смех всех собравшихся, даже ничего не понявший Хаазе скромно посмеивался за плечом генерала. А тем временем в залу пришли музыканты и стали рассаживаться у стены на стулья.

И тут хозяйка чуть повысила голос:

– Господа, господа, хочу вам сказать, что этот ужин я даю в честь нашего героя, спасшего нас от ужасного людоеда-еретика ван дер Пильса. А ещё спасшего город... не помню, какой-то там... опять же от сатанинских лап еретиков И герой этот – владетель Эшбахта, барон фон Рабенбург.

Она первая начала хлопать в ладоши, и прочие поддержали её в этом, а генерал, не ожидавший ничего подобного, в некоторой растерянности стал кланяться собравшимся господам, сам же думая, что теперь кто-нибудь из них, например молодой граф Вильбург, от которого он ждал всяких неприятностей, вздумает фыркать или злословить в его адрес. И с этим ему придётся что-то делать. Но ничего подобного не произошло. Молодой человек улыбался вместе со всеми другими и слушал Софию фон Аленберг, а та сделала знак, и тут же в распахнувшихся дверях появился лакей, что нёс перед собой подушку, на которой лежала какая-то красивая материя.

– Генерал, – продолжала хозяйка вечера, – прошу принять от меня в дар эти шарфы в цветах вашего герба.

Лакей подошёл к Волкову и с поклоном протянул ему подушку, а на ней лежали два поясных офицерских шёлковых шарфа прекрасной работы.

Серебро и лазурь.

Настоящее серебряное шитьё удивительным образом сочеталось с насыщенным и глубоким голубым цветом. Почти синим. Шарфы были по-настоящему великолепны. Их можно было носить и офицерам на поясе, и даже генералы не постеснялись бы надеть такую ленту через плечо.

– Божественная красота! – восхитился Волков. Он взял шарфы в руки и после поклонился Софии. – Добрая госпожа моя, не ожидал я такого подарка. Я признателен вам!

Конечно, желательно было что-то подарить ей в ответ, но барон и представить не мог, что ему на этом ужине понадобится как-то отдариваться. Подарить, что ли, фаворитке герцога пару гульденов? Это смешно! Она ещё и оскорбиться может. Это ведь не Амалия Цельвиг, которая не постесняется схватить своею лапкой любое золото, что ей предложат.

Но красавица и не ждала от него ответных подарков, она была полна радушия и позвала всех за стол.

– Господа, прошу садиться.

И тут же заиграла музыка, и все стали рассаживаться, и произошла некоторая суета, так как место рядом с бароном поначалу было предназначено другой даме, но теперь по правую руку от него распорядитель ужина усаживал красотку Амалию. В общем, генерал был не против, эта придворная дама в прошлую их встречу смогла произвести на него хорошее впечатление. Ну, иначе он и не стал бы её награждать золотой монетой поутру. Но дело в том, что его не совсем устроило то, как все расселись. Он хотел, чтобы Хаазе сидел с ним рядом, волнуясь, как бы тот не наделал глупостей без него, но Хаазе оказался на другом конце стола рядом с обворожительной баронессой Аделаидой Хольске, которая была в чрезмерно открытом платье. Той самой, что днём называла ротмистра «миленьким».

«Как тут всё просто! После нескольких стаканов вина она будет под столом касаться своей коленкой его коленки. Хаазе... Чёртов болван! Чувствую, придётся мне потом из-за него объясняться с этим бароном Хольске! Знать бы ещё, кто это! Впрочем, к дьяволу его; если он позволяет своей жене по ночам таскаться по замку в таких нарядах, пусть потом никому ничего не предъявляет!».

Глава 6

Лакеи стали разносить морских рыб и разливать белые вина. Рыба была отличной, на любой вкус. Несли крупную солёную сельдь, не ту, что ест чернь, а потрошённую, жирную, в сладкой медовой горчице. И тут же несли большие куски рыбы белой, хорошо разваренной, с тмином. А за этой рыбой выносили блюда с мелкими и золотистыми жареными сардинами.

Виночерпий наливал вино из трёх бочек: местное – но вовсе не дешёвое – рейнское, насыщенное вино из Ламбрии и дорогое вино из богатого виноградниками западного королевства; а кто желал, просил себе пива. Волкову, уже изрядно проголодавшемуся и не желавшему пропустить что-то вкусное, например золотых жареных сардин, нужно было разговаривать со своими соседками, а ещё поглядывать в конец стола, где сидел рядом с соблазнительной красоткой молодой ротмистр. Музыка, дорогие вина, невиданная им доселе еда и прекрасная женщина с необыкновенным декольте, вне всяких сомнений, сводили Хаазе с ума.

«Судя по его разинутому рту и блаженному виду, болван думает, что он в раю... Не иначе».

Волкову могло это и показаться, но глаза у ротмистра постоянно разъезжались в разные стороны, стараясь уследить и за лакеем, что разливал вино, и за чуть наклонявшейся вперед баронессой, отчего той, после подобных наклонов, приходилось поправлять свои прелести и возвращать их в рамки хоть какого-то приличия. А зрачки ротмистра сползали обратно к переносице, чтобы сосредоточиться на собственной тарелке.

А когда у всех стаканы были полны и в тарелках было вдоволь вкусной еды, так хозяйка стала бренчать по стакану ножом и заговорила, повышая свой звонкий голосок, чтобы слышали её все, кто был за столом:

– Господа, господа, давайте попросим нашего генерала рассказать нам, как он одолел еретиков в том городе, в котором был!

– Да, давайте... Просим, генерал, – как по команде загалдели присутствующие дамы, а господа им стали поддакивать.

Признаться, это немного обескуражило барона, уж кем-кем, а хорошим рассказчиком он себя точно не считал. Он и не знал, что там можно было рассказать. Про пару ночных стычек? Про ранение? Про бесконечные переговоры со всякими типами с городского дна? Но фаворитка герцога продолжала настаивать:

– Генерал, я вас умоляю, расскажите!

И ещё дюжина людей смотрели на него в ожидании чего-то интересного, и тогда он, вытерев салфеткой пальцы и рот, всё-таки решился. Начал с предыстории, с того, как герцог попросил его поехать в Фёренбург и как город неприветливо встретил его, но уже через минуту вдруг стал замечать, что лица у его слушателей постны и глаза их начали блуждать... Лишь одна, кажется, София фон Аленберг слушала его внимательно. Даже этот болван Хаазе, и тот о чём-то перешёптывался с баронессой, что сидела с ним рядом.

«Чёртовы повесы и распутницы, им все мои рассказы так же интересны, как рассказы колбасника о делании колбасы!».

И он тут же решает со всей этой болтовнёй покончить и говорит неожиданно:

– А все женщины-еретички в Фёренбурге носят платья строгие, закрытые, и уже думал я, что это от редкой праведности тех дам, но, как мне рассказали местные мужи, это вовсе не от праведности... – он делает паузу.

И вот эта его последняя фраза оживила интерес присутствующих.

– Так отчего же они носят такую одежду? – стали интересоваться в первую очередь женщины.

– Да, генерал, отчего же?

И тут Волков улыбнулся, взял стакан и произнёс:

– Там постоянно дуют холодные ветра с севера и идут ледяные дожди, оттого груди у женщин Фёренбурга плоски, а кожа на них имеет синий оттенок, цвет старой ошипанной курицы, вот они всё это и прячут от посторонних глаз.

Конечно, это была глупость, да и правды в этой его болтовне не было. Он толком и не разглядел в Фёренбурге женщин, не до них ему там было.

Но эта, казалось бы, глупость тут же оживила обед, мужчины стали говорить, что у женщин Вильбурга всё совсем не так, как у тех еретичек, что живут на севере. Да и сами дамы были с тем согласны, а хозяйка ужина даже сказала:

– Уж дамы в Вильбурге своими прелестями могут гордиться. Им нечего скрывать, синей кожи у них нет. Не правда ли, Аделаида?

Баронесса тут же поднялась со своего места и, вертясь во все стороны, стала делать кник-сены и демонстрировать своё декольте, а все присутствовавшие начали аплодировать ей и восхищаться ею.

А Волков уже стал есть жареную сардину, он был рад, что про него и его рассказ господа позабыли, а ещё он думал о том, что это лишь начало обеда и что дамы только начали пить вино.

«Сдаётся мне, что к концу обеда эти знатные дамы будут танцевать и в танце задирать подолы не хуже пьяных кабацких девиц».

Музыка, вторая смена блюд. Мясо и красное вино. Вино на обеде у фаворитки герцога было отменным. Как и еда. Он даже не сомневался, что она имела доступ к погребам Его Высочества, да и угощения были с кухни курфюрста. Музыка звучала веселее, разговоры за столом становились всё фривольнее, а смех всё громче. После третьего бокала вина барон размяк и как-то перестал следить за своим молодым офицером. А ещё вдруг понял, что молодой граф Вильбург совсем не такой спесивый, как его отец, а, напротив, любитель посмеяться и поболтать с дамами.

И тогда барон стал больше обращать внимания на ту милашку, что сидела возле него. Амалия Цельвиг разругалась от вина и от жары, улыбалась барону и, задирая подол платья под столом так высоко, что он видел подвязки на её чулках, говорила:

– Ах, как тут жарко, когда же подадут фрукты со льдом?

Он уже хотел положить руку ей на колено, но тут вдруг музыка стихла и музыканты стали подниматься со своих мест, гремя музыкальными инструментами, а потом и все гости красавицы Софии тоже стали вставать, и лишь тогда он услышал шёпот: «Герцог... Его Высочество...».

Волков обернулся к двери и увидел Карла Оттона Четвёртого собственной персоной, тот как раз шёл по зале, а за ним шли два его миньона. Молодые любимцы, да и сам курфюрст улыбались, видимо, пребывали в добром расположении духа. Герцог был со всеми приветлив, всем кивал и, первым делом подойдя к Софии фон Аленберг, поцеловал ей руку. Что-то негромко спросил у неё, дождался короткого ответа и после пошёл вдоль стола, кивая в ответ на поклоны господ и книксены дам. Так он шёл, пока не увидел Волкова. И вдруг он двинулся к генералу, протягивая руки.

– Барон! И вы тут!

– Ваше Высочество, – Волков поклонился герцогу.

А тот подошёл к генералу и положил руки ему на плечи.

– Как ваше здоровье, барон?

– Несколько лучше, – ответил Волков. Ему было немного неловко: ещё вчера утром он принимал курфюрста, лёжа в постели, а уже сегодня вечером встретил того на званом ужине. – Но я думаю, что мне уже пора прилечь.

– Донимает рана? – интересуется герцог, а сам берёт генерала под руку и ведёт его к окну.

– Скорее слабость даёт о себе знать, – отвечает Волков.

Они остановились у окна и несколько минут разговаривали, и это была не пустая болтовня двух мужчин за вином, Волков ещё раз убедился, что герцог вовсе не глуп, он прекрасно осведомлён о делах в Фёренбурге, а именно о них они и разговаривали. Волков не упустил случая и стал благодарить своего сеньора за роскошный подарок. Говорил, что дом ему очень понравился. А тот уверял генерала, что дом он заслужил, и что заслужил даже больше, только вот состояние дел в земле Ребенрее не позволяет курфюрсту в полной мере вознаградить своего рыцаря за его деяние. В общем, они оба, во всяком случае на словах, были довольны друг другом. А после курфюрст снова стал интересоваться обстановкой в Фёренбурге, хотел знать, кто теперь займёт там ведущие позиции, спрашивал о земельных трудностях горожан. А ещё он, оказывается, помнил, что у людей барона, которые остались в городе, заканчиваются кон тракты, и их нужно уже менять.

– Или, может, оставить их в Фёренбурге? Они надёжны, и полагаю, что легко справятся с гарнизонной службой, – интересовался Карл Оттон Четвёртый. – Как вы считаете, генерал?

– Ну, если казна сможет платить моим мушкетёрам по четырнадцать талеров в месяц... – произнёс Волков. Он как раз совсем не хотел, чтобы добрые люди из Эшбахта торчали где-то вдали от дома и от него. И барон продолжал: – Вы же знаете, Ваше Высочество, мои солдаты и вправду надёжны, они и вправду хороши, но боюсь, что они очень дороги для гарнизонного сидения.

Деньги. Это был как раз тот самый аргумент, который герцог никогда не оспаривал. Курфюрст внимательно посмотрел на своего генерала и, покивав головой, произнёс:

– Да, пожалуй, вы правы, четырнадцать талеров в месяц на одного мушкетёра для моей казны многовато, – он протянул Волкову руку для рукопожатия. – Благодарю вас, генерал. Больше не буду злоупотреблять вашей любезностью, ступайте, развлекайтесь, – и после добавил с намёком: – Надеюсь, собравшееся общество вам небезынтересно.

– Я нахожу его весьма привлекательным, – ответил Волков.

На том разговор был закончен, и место Волкова у окна рядом с герцогом заняла красавица София. А сам генерал вернулся на свой стул. Волков, конечно, мог дожидаться третьей смены блюд, птицы, фруктов и сладких вин, но после того, как он сказал герцогу, что ему уже пора отдохнуть, оставаться на ужине было бы неправильно. И, усевшись, он допил вино, склонился к ушку Амалии и спросил:

– Мне пора уходить, дорогая, не хотите ли присоединиться ко мне?

– С удовольствием присоединюсь, барон, – отвечала дама, поднимая стакан и тем самым давая знать лакею, что хочет ещё выпить.

– Тогда я пойду первым и подожду вас у лестницы, – предложил ей барон.

– Нет, – Амалия не согласилась; она, дождавшись, пока лакей нальёт ей вина, выпила весь стакан и встала. – Всё, я готова, пойдёмте, господин барон.

Волков тоже поднялся; он искал глазами своего молодого ротмистра, но его в зале уже не было, как не было там и баронессы Хольске.

«Вот болван! Да и чёрт с ним! Я его предупреждал».

А Амалия повисла у него на локте, весёлая и пьяная. Она стала со всеми прощаться. Волков думал уйти с нею тихонько, чтобы не давать поводов для злословия, но эта женщина словно хотела, чтобы о ней говорили, чтобы видели, что она уходит с бароном.

«Стеснению тут точно места нет».

Ну а раз она не стеснялась, ему стесняться причин было ещё меньше. И вскоре он уже сажился в свою карету, говоря ей:

– Хочу сказать вам, моя дорогая, что сейчас живу я в поганой дыре. Так как нет в моём новом доме мебели.

– Да хоть на конюшню везите! – с пьяной весёлостью сообщила женщина. Она плюхнулась на диван рядом с генералом, положила свои стройные ножки ему на колени и подобрала юбки. – Лишь бы там тепло было. У вас там в вашей дыре тепло, барон?

– Тепло, тепло, – смеялся он, глядя её ноги выше чулок.

Он уже знал, что даст ей золотой в подарок. Уж больно ласкова была эта молодая женщина прошлой ночью. Ласкова, неумоима и умела. И теперь она сидела на кровати абсолютно нагая, внимания не обращая на его слуг, которые выносили ночную вазу, подавали на стол еду и воду для мытья, приносили новую одежду для генерала. Слуги же, и умный Гюнтер, и даже молодой Томас, подчёркнуто не глядели на неё, даже в её сторону, просто делали своё дело. А вот их господин, стоя у окошка и поглядывая на показавшееся из-за домов солнце, не стеснясь любовался молодой женщиной, которая, сидя на перинах, расчёсывала свои волосы его щёткой и говорила:

– И что же, вы возьмёте меня с собой посмотреть новую мебель для вашего дома?

– Та мебель не новая, – поправил её генерал, – ну и коли у вас нет иных дел, так поедemте.

– Да какие же у меня могут быть дела? – Амалия даже перестала чесать волосы и засмеялась. – С вами поеду. А может быть, заедем во дворец, по делу? Я быстро.

Волков подумал, что даме нужно переодеться или надеть что-то потеплее, так как уехала она с ним в одном платье, и тогда он предложил ей:

– Я могу отправить вас с каретой.

– Нет, – вдруг сказала женщина. – Я хочу с вами туда приехать. А без вас мне и не надо.

– Со мной? – не понял барон. – Почему со мной?

Она увязала волосы в большой узел, встала и, как была, голая подошла к столу, пальцами схватила со сковороды кусочек горячей колбасы, с удовольствием отправила его в рот и потом сказала:

– Ежели утром увидят меня с вами во дворце, то решат, что теперь я ваша любовница.

– Так то и вчера вечером всем было ясно, когда вы со мною ушли, – возразил барон.

– Нет, – она потрясла своей красивой головкой и отломилась себе кусочек сдобной булки, – мало ли кто с кем вечером ушёл, главное – кто с кем утром появился. Уйти вы и с прачкой какой-нибудь могли, или с горничной, то дело обычное, а вот с прачкой вы поутру уже на балюстрадах замка пройтись не пожелаете. А с милой пожелаете. И когда меня с вами увидят, сразу всем ясно станет, что я ваша любовница.

– И это вам нужно? – Волков усмехался.

– Конечно! – воскликнула Амалия. – Меч герба, любимец герцога – и выбрал меня! И мне уже не придётся никого упрашивать, чтобы попадать на званые ужины во дворец. Меня первой звать будут. Ну, пока вы не заведёте себе новую любовницу.

– Так вы и на этот ужин просились? – интересуется Волков.

– Конечно, как узнала, что София собирается вас пригласить на ужин, так пошла к ней проситься; она и звать меня не хотела, знала, что я с графиней, с сестрою вашей, была в ладах, а она её не любит, но когда я сказала, что и с вами уже знакома, так тогда она и согласилась.

– А что же, все во дворце знали, что София пригласила меня на ужин? – спросил тут барон с некоторым удивлением.

– Конечно! – отвечала распутная красotka, усаживаясь за стол голой и принимаясь за завтрак. – Такие слухи по замку быстро расходятся. Кто через поваров узнает, кто через винных слуг, что за погребамися смотрят. Я узнала через горничных, которым было велено залу прибирать.

Какое-то подозрение, смутное и нечёткое, зародилось в душе у генерала. Этот ужин... Такой неожиданный, а к нему вдруг у фаворитки герцога уже готов для него подарок.

Шарфы!

Эти шарфы из его цветов, что подарила София, за половину дня не сшить. Купить, конечно, можно, если знать, где они уже есть. Волков взглянул на молодую голую женщину, что сидела у него за столом, ела варёное яйцо с булкой и маслом, болтала о чём-то несущественном, и подумал о том, что вчерашний ужин был не таким уж случайным. И богатый подарок, и «неожиданное» появление герцога, и его прилюдная благосклонность.

Что-то во всём этом не нравилось генералу, уж больно ласков был к нему курфюрст, уж больно приветлив его двор, был в этой ласке какой-то подвох.

И он, размышляя обо всём случившемся, стал умываться, поглядывая иной раз на бёдра и живот молодой женщины, что с аппетитом завтракала в паре шагов от него.

Глава 7

После завтрака Амалия Цельвиг всё-таки решила одеться, и тогда, при свете дня, генерал разглядел её чулки. И были они штопаны, а её нижняя рубашка тоже была не нова, да и рукава, манжеты платья были потёрты. Молодая привлекательная придворная женщина вовсе не была богатой, едва ли она выглядела богаче средней горожанки. И тогда, усевшись в карету, генерал достал из кошель новенький флорин. Толстый папский золотой флорин, который был процентов на двадцать дороже обычного гульдена. И эту монету, добытую среди других в Фёренбурге, он протянул женщине. Она тут же, без всяких долгих разговоров, попыталась её схватить, но он убрал от неё золото, словно играя с ней, и сказал улыбаясь:

– Мне нужны от вас будут услуги.

– Так каких же услуг вы от меня ещё хотите? – с удивлением спросила Амалия. – Всё, что могла, я уже для вас нынче сделала.

А Волков, покивав – мол, ну да, это так, – тут же продолжал:

– Графиня, сестра моя, от двора отбыла, а мне хотелось бы, чтобы кто-то мне о том, что при дворе происходит, писал.

Она так и сидела, протягивая руку за флорином, но он не спешил ей отдавать золото.

– Вы умеете писать?

– Писать? Конечно, умею, только вы уж скажите, что надобно.

– Всё, что при дворе болтают, – он наконец протянул ей монету. – Будете получать по золотому каждый месяц.

И Амалия, схватив наконец деньги и засунув их за лиф платья, сказала:

– Что ж, буду писать вам. Куда прикажете?

– В Эшбахт. Мне. И что бы вы сейчас мне написали?

Молодая женщина поглядела на него, подумала несколько мгновений и сказала:

– Про то, что герцог будет канцлера менять? Писать?

– Обязательно. И писать, на кого и кто за новым стоит. Кто его друзья. А ещё что бы вы написали?

– Если вдруг новая любовница будет у герцога, писать?

– Обязательно. И писать, из какой она фамилии, кто её курфюрсту подsunул. А ещё пишите, о чём все нынче болтают. Вот о чём сейчас всё больше говорят при дворе?

– О том, что герцог с императором ссору затевает из-за маркграфства. Про то, что он племянника своего молодого, графа Сигизмунда, хочет на маркграфине Оливии женить.

– И что же, будет война? – Волков уже не смеётся.

– Ой, ну откуда же мне про то знать? – Амалия Цельвиг тоже стала серьёзной. – То вовсе не женского ума дело, моё дело в постели вас греть, а не про войны знать.

И тут он был с нею, конечно, согласен.

– Будете писать, что услышите. И про фавориток герцога, и про всё остальное, о чём во дворце болтают.

– Буду-буду, – обещала ему придворная дама, – только вы со мной теперь по дворцу прогуляйтесь, чтобы меня с вами видели, потом мне легче будет слухи для вас собирать.

Конечно, он прошёлся с нею по дворцу под руку, отчего Амалия цвела, когда встречала кого-то из других придворных дам. И после приговаривала довольная:

– Аж пятнами пошла, как вас со мною увидела.

Потом она быстро забежала куда-то в коридоры замка и вернулась в другом платье. И это «новое» её платье оказалось ещё более потёртым, чем то, в котором она была.

И после, забрав женщину, он поехал в свой новый дом, куда к тому времени ловкий нотариус Гиппиус должен был уже привезти мебель.

А та мебель ему не понравилась. Не то чтобы была плоха или стара – нет. Просто она была уже не того уровня, к которому он стал привыкать. Недостаточно красива и изящна.

– Нет, много просишь, – качал он головой, поглядев на стулья, осмотрев комоды и шкафы. – Столько я за неё не дам, да и вообще, куплю себе другую.

Гиппиус корчил жалостливые гримасы, видно, что уже посчитал полученный барыш.

– А если уступлю двадцать монет?

– Нет, куплю себе другую.

– Неужто ничего не возьмёте?

– Тут, кроме стульев, кровати и пары кухонных шкафов, и смотреть-то ни на что не хочу, – признавался нотариусу генерал.

– Ну так купите хоть их, – не отставал от него Гиппиус. – Я уже, признаться, потратился на извозчиков да на грузчиков, возьмите хоть что-нибудь.

Тогда Волков согласился и купил у него... всё! Но за пятьсот десять монет. Мебель была, конечно, не лучшей. Но за деньги, что она досталась ему... не так уж и плоха.

Но генерал был удивлён, что и нотариус, пересчитав и спрятав полученные деньги, тоже имел довольный вид.

«Украл он эту мебель, что ли? – недоумевал Волков. – Надо было ещё торговаться!».

– Тогда грузчиков здесь оставь за свой счёт, мои слуги скоро придут сюда, скажут им, как расставить мебель, – распорядился барон.

– Непременно, – тут же согласился Гиппиус, он был и вправду доволен сделкой.

Сэкономил – считай заработал. И заработанное он решил потратить на свою новую сердечную подругу. И в ближайших хороших лавках купил ей новое платье, башмачки и шляпку с шарфом, чулки, нижнее и прочие женские надобности, на всё потратив тридцать шесть монет. И, видя детскую радость у женщины, и сам радовался, не жалея о потраченном.

Потом он заехал на городскую почту и нашёл там несколько писем для себя, там были письма и от Карла Брюнхвальда, и от баронессы, и от епископа Малена. На все надо бы было ответить, и поэтому он посадил свою новую пассию со старшим слугой Гюнтером в карету, предварительно дав тому тридцать талеров, и отправил их покупать для нового дома всякое нужное. Перины, простыни, кастрюли и другое. Кофе, опять же, приказал найти, хотя это было и непросто.

Сам же сел отвечать на письма. Епископ писал ему обо всём, что происходило в Малене, а там происходило немало интересного. Оказалось, что в верховьях Марты, пока там нет истинного хозяина, появился разбойник. Разбойник тот явно высокородный, из письма барон понял, что имя разбойника отец Бартоломей знает, но в письме называть его не желает. Почему?

Волков помнил праведного епископа, что в далёком своём монашестве носил имя брата Николаса. Уже тогда он слыл умным, неумных в Инквизицию не брали. И раз он тут, в письме, не желал писать имя разбойника, то, скорее всего, имя то весьма известно.

Отец Бартоломей написал, что за месяц вор уже разграбил две баржи на реке, и одна из тех барж была купцов из кантона Брегген.

Это было неприятно. Барону очень не хотелось, чтобы кто-то портил его отношения с горцами. Кантон Брегген был его главным торговым партнёром, а ещё там, в кантоне, несмотря на бойкую торговлю с Эшбахтом и графством Мален, была уйма всякой сволочи, которая всё ещё помнила об обидах, что барон нанёс их земле. И подобные разбойные эксцессы на реке давали тем злопамятным людям повод возвысить свой голос.

И он, поразмыслив над этим письмом, писал епископу в раздражении:

«Отчего же нобили Малена не соберут среди горожан добрых людей и не найдут среди себя достойного их возглавить и не изловят вора? Чего ждут? Неужто у вора ватага так велика, что целый город с нею совладать не в силах?».

Потом он читал письмо от Брюнхвальда. Не письмо, а скорее рапорт. У полковника всё было по делу. Людишки живы, здоровы, лошадки тоже, оружие в исправности, телег и провианта хватает. Контракты у людей заканчиваются через неделю. Сменивший барона офицер божится, что смена скоро будет. Как дождёмся, так из Фёренбурга выйдем в Эшбахт. Всё.

Волков написал ему письмо краткое, дельное. А вот от супруги письмо было длинным. Писала она ещё месяц назад. Сообщала о всякой ерунде, дескать, в Эшбахте без хозяина всё плохо, мужики ленятся, управляющие к ней носа не кажут, а когда приходят, так её не слушают; ещё писала, что люда в Эшбахте стало много, и что в трактире в Амбарах среди пьяных была поножовщина. Мужика-лодочника и какую-то девку порезали, хоть и не до смерти. Ещё писала, что скучает, что сыновья здоровы и что она нашла одного купца, что торгует хорошей мебелью. Он приехал с юга и говорит, что недорого найдёт им лучшую мебель, какой и герцог не побрезгует, чтобы замок обставить. И на то нужно всего двадцать шесть тысяч талеров.

Ох, курица... Двадцать шесть тысяч... Замок ещё достроить нужно, нужно полы доложить в верхних покоях, там лаги лежат, да отштукатурить стены хотя бы, пока на обивку денег нет, и на балконах боевых настилы положить, под пушки ещё выкаты доделать. Архитектор за то ещё кучу золота просит, какая тут мебель?! До мебели не близко даже!

Купца она нашла... Двадцать шесть тысяч... Курица...

Как речь про деньги заходила, так у него портилось настроение. До окончания строительства уже совсем немного. Но чтобы его наконец завершить, опять денег нужно где-то взять. А потом ещё отделка. Стены оббить, а на них гобелены надобны, да в окна ещё стёкла вставить. Окна он в господских покоях решил делать большие, как все нынче делают, и в эти большие модные окна стёкла стоили необыкновенно дорого. А ещё паркетные доски в покои класть, теперь по доскам кто ходит? Мужики да подмастерья! Теперь во всех приличных домах паркетные доски кладут. А изразцы на печи, а посуда для стола, серебро надобно... А кухонная утварь, а люстры и канделябры? И это только то, что вспомнил...

Сто тысяч талеров надо найти... Не меньше... А она тут со своей мебелью. Барон морщится и просит у Томаса какой-нибудь еды. Обедать он не собирается, так как сегодня у него ужин с канцлером. Молодой слуга принёс сыра и колбасы, вина, но генерал потребовал себе пива, и Томас сбегал за ним вниз, и попробовав то пиво, барон всё-таки решил пить вино. А ответное письмо всё равно он писал жене ласковое. Про деньги и мебель в том письме ничего ей не рассказывал.

Так как Амалия и Гюнтер не вернули ему карету, он просил фон Флюгена оседлать ему гнедого. На гнедом, захватив с собой лишь того же фон Флюгена, он отправился на ужин с Фезенклевером.

В хорошем месте, за столом со скатертью и с услужливыми разносчиками, они с канцлером уселись и за стаканом вина и сырами дожидались печёную утку. Разговаривали.

Говорили о делах. Фон Фезенклевер порадовал генерала, рассказав, что дело про лафеты решено было незамедлительно. Как только герцог узнал, что это нужно для Волкова, тут же приказал казначею изыскать нужную сумму.

– Курфюрст к вам благоволит, – произнёс канцлер. – В этом у меня нет сомнений.

– Его фаворитка в мою честь вчера дала ужин и на том ужине подарила мне хорошие подарки, – вспомнил генерал.

– Да, я знаю, – кивал канцлер. – Герцог потом посетил его.

– Именно, – произнёс Волков. – И это мне кажется удивительным.

И тут искушённый царедворец, что провёл многие годы на высочайшем в земле Ребенрее посту, и говорит ему:

– Ничего удивительного в том нет, Малены всегда ласковы, если им что-то от вас нужно.

Сказал он это без каких-либо колебаний, то есть с абсолютной уверенностью.

– И что же Его Высочеству от меня нужно теперь? – барон даже есть расхотел от такой неожиданной неприятности. Он-то полагал, что теперь хоть некоторое время сможет пожить в покое, без поручений от сеньора.

И тут Фезенклевер отломил кусочек твёрдого старого сыра, закинул его в рот и после, сделав глоток отличного вина и посмаковав сыр пару мгновений во рту, ответил, не глотая лакомства:

– Доподлинно того мне не известно, мне уже о том не говорят, но, насколько я знаю, сейчас собирается посольство в Винцлау, к маркграфине Оливии. Возглавит его наш проворный друг, – он, конечно, имел в виду барона фон Виттернауфа, – посольство поедет решать вопрос с женитьбой. Думается мне, что и вас, барон, включили в то посольство.

– Меня? – удивился Волков. – Зачем же там я? Или мне туда с войском надобно идти будет?

– С войском? – канцлер покачал головой и отломил ещё один кусочек сыра. – Нет, нет... Но вы теперь человек известный и за пределами нашей земли. Такие персоны, как вы, придут большой вес посольству. Одно ваше присутствие в той поездке заставит горячие головы, что строят свои планы против наших прав, немного охладиться. Это почётная миссия, хоть и

непростая. Тем более что всем известно, что вы человек, который умеет договариваться. Ваши договоры с дикими горцами – яркое тому подтверждение.

– То есть это будет свадьба?

– Нет, молодой граф Сигизмунд Ханс фон Кунн фон Нахтенбель с вами не будет, вы поедете к маркграфине один, заключать брачные договоры и решать всякие вопросы по свадьбе. Где, когда, кто сколько платит и все прочие мелочи...

– И вы думаете, что принц пожелает видеть меня в этой делегации? – со вздохом спросил Волков. – Даже отдохнуть по ранению не даст?

– По ранению? – канцлер невесело хмыкнул и махнул рукой. – Он прекрасно осведомлён о вашем состоянии. Теперь-то, когда увидал вас на ужине у своей красавицы... Да и ужин тот, думаю, его собственная затея.

Теперь и генерал так думал, но всё равно он ещё не всё понимал.

– Но отчего же вы считаете, что меня включают в делегацию?

– Во-первых, я бы и сам вас туда рекомендовал, если бы спросили меня, а во-вторых... – теперь продолжал Фезенклевер, чуть понизив голос, – Поверьте, друг мой, просто так курфюрст подарки и ласку не расточает. Дом, лафеты для пушек, ужины в вашу честь... Подарки, беседы... Думаете, это всё от сердечности Его Высочества?

Нет, генерал точно так не думал. И теперь он был уже уверен, что отдохнуть сеньор ему не даст. Не даст привести в порядок свои дела, а отправит за горы, решать дела самого сеньора. Важные дела дома Ребенрее.

Весь оставшийся ужин Волков был задумчив и говорил мало, всё больше слушал испуганного царедворца, путь которого при дворе уже заканчивался.

Приехав в свой новый дом, он прошёлся по нему, оглядел его ещё раз. С мебелью он выглядел уже по-другому. А когда Томас и Гюнтер привезли из гостиницы его сундуки, когда постелили перины на кровать, когда распаковали его походную посуду и растопили печь, а после стали греть воду для вечернего мытья на кухне, так дом сразу ожил. И радостная Амалия очень в ту ночь старалась отблагодарить генерала за подарки. И хоть как-то отвлекала его от дурных мыслей.

А утром, ещё до рассвета, он встал и, едва умывшись, сказал всем своим людям:

– Хенрик, приготовьте всех моих лошадей и карету. Гюнтер, все вещи собери. Я уезжаю в Мален.

– Когда же вы, господин, собираетесь отъехать? – немного растерявшись от такой неожиданности, интересовался слуга.

– Немедля, как только будет готова карета, – отвечал барон.

Глава 8

Возвращался он домой или бежал, барон и сам не знал. Главное, что приближался он к дому. К месту, которое за последние несколько лет стало для его сердца милым.

Мален. Конечно, он был не чета чопорному Вильбургу. Не так красив, не так чист, как город, что извечно находится под строгим взглядом сюзерена. Но в том и была его прелесть, что далёк он был от взора герцога. А ещё тем он был хорош, что в городе Волков был силён. Всех тут знал, отсюда черпал силу. Вся торговля, что вёл его племянник, завязана была на Мален. Даже те сделки, что заключал Бруно Фолькоф с другими землями, с купцами из Фринланда, к примеру, так и те договоры финансировали банкиры и менялы из Малена. Город удачно встал в верховьях Марты, став крупнейшим населённым пунктом в этих местах. Но и в городе люди понимали, благодаря кому начали богатеть, кто стянул в узел торговые пути. Знали горожане, через чьи причалы и дороги идут в обе стороны надобные всем товары. Помнили, кто уgomонил злобных горцев и добился от них торговых, хоть и взаимовыгодных, но привилегий.

Волкова здесь уважали, и он уже привык, что слово его в Малене стало одним из решающих, хотя места в городском совете ему так никто и не предложил. Но и без места он имел тут силу, тем более что крепко среди горожан утвердился праведный и строгий его друг, епископ Бартоломей. И потому уже к середине третьего дня, когда въезжала его карета в северные ворота Малена, генерал почувствовал на душе лёгкость, такую, которую чувствует беглец, ушедший от опасности и добравшийся наконец до надёжного убежища.

– К родственнику едем? – спросил Хенрик, заглянув в окно кареты.

– А к кому же ещё? – ответил барон, и кони понесли карету по знакомым им мостовым к большому красивому дому купца и мастера кожевенных дел Дитмара Кёршнера.

Своим домом в городе барон так и не обзавёлся, он привык уже к дому своего родственника, где к его услугам всегда были богатые покои для гостей, которые нравились и баронессе. Сами Кёршнеры, и хозяин, и его жена Клара, всегда были радушны и гостеприимны. И крепко связало Кёршнеров с сеньором Эшбахта очаровательное существо, которому ещё не исполнилось и шести лет. Урсула Вильгельмина Кёршнер, мать которой была племянницей барона и умерла родами, теперь бегала по огромному дому так проворно, что няньки за нею не поспевали. Бойкий ребёнок рос, не зная запретов. Девочка была обожаема не только своим отцом, но бабушкой и дедушкой, да и сам барон её нежно любил. И прежде, чем заявиться к Кёршнерам, он заехал в пару лавок и купил для девочки самое дорогое платье, что только нашёл, и золотой кулончик. И только после этого поехал в гости.

Встречала его Клара Кёршнер, так как хозяина свалил приступ. Тучный Дитмар, один из богатейших, если не самый богатый человек Малена, страдал от злой болезни. Всё чаще он стал багроветь лицом и болеть головою. От того он тут же звал доктора, и тот, приходя, первым делом говорил ему о его излишней тучности, а потом пускал ему кровь, отчего купца болезнь отпускала, но после Кёршнер ещё лежал полдня, приходя в себя. Вот в такой день и приехал к ним в дом генерал. Потому и встречала его лишь хозяйка дома госпожа Клара да маленькая Урсула Вильгельмина.

Поцеловав руку хозяйке, он сразу взял на руки свою внучатую племянницу, и та бойко с ним заговорила:

– Дедушка Иероним, вы были на войне?

– На войне, дорогая моя, на войне, – отвечал Волков, поднимаясь по лестнице. Говорил он с девочкой с таким удовольствием, что про хромоту свою позабыл.

– А вы воевали с еретиками?

– О, – барон смеётся. – Да вы всё знаете! С ними, с подлыми. С ними.

– Все говорят, что вы их побили, – продолжает девочка.

– А как же, побил, конечно, побил. Со мною же был Господь, а с ними сатана! Как же могло быть иначе?

– А подарки мне привезли? – не унимается внучка. – Ну хоть какие-нибудь. Хоть маленькие.

– Урсула Вильгельмина, – упрекает её бабушка, что идёт рядом с ними. – Неужели вам мало подарков, что вам дарит отец и ваш дедушка Дитмар?

– Прекрасной даме, даже маленькой, всегда нужны подарки, – старый солдат продолжает улыбаться.

Он в этом гостеприимном доме, с этим ребёнком на руках отдыхает сердцем. И радуется тому, что находится почти в трёх днях пути от двора и ласки герцога.

Госпожа Клара прекрасно знала привычки своего именитого гостя. И полчаса не прошло, как в его покоях была установлена ванна, которую быстро наполняли водой, а пока ванна наполнялась, сам барон нанёс визит хозяину дома, который принял его по-родственному, в постели.

– Я готов вас порадовать, друг мой, – усевшись напротив кровати купца, со стаканом в руке говорил барон. – Мне удалось кое-что добыть в последнем деле. И я готов погасить все проценты по долгам за прошлый год.

Это и вправду была хорошая новость для Кёршнера, так как купец, по сути, выступал не только кредитором Волкова, но в некоторых случаях был ещё и его поручителем.

– Ах, как это кстати, – вздыхал ослабший от кровопускания Дитмар Кёршнер. – А то на прошлой неделе эти мерзавцы Мёльдениц уже приходили... Сидели тут... Всё спрашивали, как у вас дела, нет ли от вас вестей... Ещё всякое...

– Они, что, были грубы? – сразу насторожился генерал.

– О, нет, конечно... – отвечал его родственник. – Кто же осмелится сейчас плохо говорить о вас после ваших новых побед... Но всё равно... Это их противное: «Слышно что-нибудь от генерала?».

– Завтра же раздам все проценты; если вы не против, я поеду в вашу контору и приглашу их всех туда.

– Конечно, конечно, друг мой, пользуйтесь, – соглашался Кёршнер. – Я распоряжусь... Скажу моему управляющему, чтобы начал собирать ваших кредиторов на завтра. Прикажу ему приготовить хорошего вина и сыра к их приходу.

– Да, – кивнул Волков, – пожалуй, собакам нужно бросить кость.

– Мне бы самому всё организовать, – морщится толстяк. – Ах, как не вовремя меня скрутила эта болезнь.

– Это потому, что вы упрямец, – назидательно, по-родственному упрекает его барон, – вам и врачи, и жена, и я, и даже Его Преосвященство наш епископ говорил, чтобы вы покончили уже со своим чревоугодием.

– Ах, не говорите, дорогой родственник, – сокрушается Кёршнер, – сам всё понимаю, но ничего не могу с собой поделать, даже ночью голод одолевает меня. Проснусь и думаю: не встать ли, не пойти ли на кухню. Уже и одежду приходится перешивать. Словно бес какой во мне живёт. Оттого и страдаю... – он тяжело вздыхает. – Надеюсь, я поправлюсь к балу.

– К какому балу? – интересуется Волков.

– Ну как же... – теперь Кёршнер удивлён. – А разве вы не к балу сюда приехали нынче? К весеннему балу. Старый граф, покойник, всегда давал в городе бал к первым дням апреля. В честь фамилии.

– Так старый граф уже умер давно, после него ещё два графа были, и кто же теперь даёт бал? – не понимает барон.

И тут купец удивляется ещё больше:

– Так как же... – недоумевает родственник. – Графиня устраивает этот бал.

Теперь пришла очередь удивляться генералу, и он, не осознав до конца услышанного, спрашивает у хозяина дома:

– Какая ещё графиня?

И тут повисла в спальнях богатого купца нелепая пауза, которая так и подразумевала смысл: что значит – какая? Генерал и купец смотрят друг на друга, и, не выдержав взгляда военного, торговый человек говорит ему мягко:

– Та графиня, что сестрица ваша.

Волков чувствовал что-то неприятное сердцем, сам в глубине души сие понимал, только вот поверить в это никак не мог, и потому ещё раз уточнил:

– Сестрица моя... бал даёт, дура?

– Намеревается, – как можно более сдержанно подтвердил Кёршнер.

Волков стал бел лицом, что-то кольнуло у него под левой ключицей и, проскользнув по руке в локоть, а оттуда – в кисть до самого мизинца, в безымянном пальце остановилось неприятным ощущением, словно он пальцы отлежал ночью. И тогда генерал постучал по подлокот-

нику кресла, на котором сидел, ногтем указательного пальца и произнёс тоном очень нехорошим:

– Кто бы на дурость сию денег ей ни одолжил, какие бы бумаги ни дал ей подписать... пусть даже и не думает получить серебро своё обратно! Пусть считает, что в реку его бросил!

– Я ей ничего не давал! – поняв, что дела денежные меж сестрой и братом нехорошие, открестился купец. – Ни крейцера.

– А кто же давал? – почти с угрозой выпытывал генерал.

– Друг мой, – тут Кёршнер даже руку к груди приложил. – Ни сном, ни духом. Только знаю, что деньги у неё есть. Обедала у нас третьего дня с молодым графом, на ней были новые украшения.

«Новые украшения – новые долги! Балы даёт! Дура! Наверное, уже все доходы с Грюнефельде на годы вперёд заложила, а может, и само имение продала! Да нет... Продать она его не может».

И опять боль прострелила его от левой ключицы до пальцев. Давно она его не донимала. Позабыл он про эту «радость» уже. Он стал сжимать и разжимать кулак. Архитектор безмозглый, сбежавший подлец, огромные траты, последние войны с еретиками и осада у реки, тяжкие схватки и сложные, опасные дела в Фёренбурге до этой боли его не доводили, а эта... курица... довела.

«В могилу меня сведёт! И ведь вроде и в уме ей иной раз не откажешь, и хитра бывает, и изворотлива, а уж как умеет мужам головы вскружить... Но как дело доходит до денег, так словно нет у неё ума более... Всё-таки, как ни крути, а дура и потаскуха, в хлеву рождённая, так душой и будет до конца дней. Хоть титул ей дай, хоть в парчу золотую наряди! – он тяжело вздохнул. – Ну, если опять это проделки хахаля её...».

Генерал со всё ещё бледным лицом сжимал и разжимал кулаки, а толстый купец из огромной кровати своей смотрел на него. Смотрел с большою опаской.

– И где же она сейчас? – спрашивает наконец барон, чуть отдышавшись и дождавшись, пока сердце хоть немного успокоится. – Раз приходила к вам на обед, значит, живёт она не у вас. Или, может, в графском доме остановилась?

– Нет, не в графском, – отвечает ему Кёршнер. И то верно, ведь в графский дом, на который она имела полное право, родственнички мужа графиню с юным графом не пускали. – Сказала, что Фейлинги... Новый глава дома Фейлингов, Хуго, просил её быть его гостьей и передал ей под жильё всё правое крыло дома.

После смерти старшего Фейлинга, что отдал Богу душу два года назад от неожиданного удара в купальне, теперь влиятельную семью возглавлял Хуго Фейлинг по прозвищу Чёрный – из-за цвета его бороды, – с которым генерал был знаком шапочно. Зато пару других Фейлингов знал отлично.

– А чем та фамилия промышляет? – интересуется барон, чтобы не пришлось потом удивляться. – Ну, разумеется, кроме того, что деньги дают в рост?

– Так всем. Говорят, что начинали они с каменоломен в округе, а потом стали улицы тут мостить, до сих пор на тех подрядах сидят, так и не сдвинуть их, а ещё у них две из четырёх мельниц в городе, а ещё домов... восемнадцать, по-моему, – вспоминал купец. – Ещё лавки, уборка города, очистка рва под стенами, склады... В банках партнёрами состоят. Ничем не брезгают, они уже лет шестьдесят в городском совете сидят. Пару раз и в городские консулы избирались.

– И с чего же это они стали так радушны к сестрице? – не понимал Волков. Он ещё с прошлых лет не очень-то жаловал эту семейку. Ну, кроме Курта Фейлинга, храброго молодого человека, служившего у него оруженосцем за учёбу.

– Уж и выдумать не могу, – признавался Кёршнер. – Но Фейлинги обо всём в городе первыми узнают. Видно, узнали, что вы у нашего курфюрста в почёте, вот и усердствуют в дружбе.

Это было похоже на правду. И тогда Волков наконец встал.

– Ладно, друг мой, не буду вам более докучать, выздоравливайте.

Под левой ключицей ещё покалывало. Нужно было бы прилечь, но его уже разжигал огонь раздражения. Он поставил пустой стакан из-под вина на красивый комод и покинул спальню купца.

Когда он уже спешил к большой лестнице, что вела к выходу из дома и конюшням, его встретила Клара Кёршнер.

– Барон, ванна уже готова.

– Ах, дорогая моя родственница, – отвечал ей генерал, – жаль, что побеспокоил вас этим, но неотложные дела вдруг появились. Надобно отъехать мне. А ванну после приму.

– Но как же...? – немного растерялась хозяйка дома.

– Уж извините.

– Но к ужину-то вы хоть вернётесь?

– Даже и не знаю, госпожа моя, садитесь ужинать без меня.

Хенрик даже загрустил немного, когда узнал, что вместо отдыха ему снова надобно седлать лошадей. А их седлать было нужно, так как его начальник решил ехать верхом.

Глава 9

Генерал прекрасно знал, где находится дом Фейлингов, и добрался до него достаточно быстро. Оставив коней у коновязи на большом дворе, они с Хенриком и фон Флюгеном вошли в дом. Привратник, узнав, как его представить, сразу скрылся, и тут же после этого появился сам Хуго Фейлинг по прозвищу Чёрный. Был он в домашней, простой одежде, видно не ждал гостей, а увидав их, сразу пошёл к генералу, улыбаясь и расставляя руки для объятий так, как будто были они старинными знакомыми.

– Господин барон, а мне сон нынче снился, что белый голубь прилетел ко мне на крышу. И вот же... Сон в руку... Какая честь для нас видеть у себя усмирителя еретиков.

И генерал не счёл нужным быть с ним холодным или чопорным, всё-таки он приютил его «сестру» и «племянника». Тем более, что совладельцем одной из контор, где он занимал деньги, был и дом Фейлингов.

– Здравствуйте, дорогой друг, – они обнялись как знакомцы, хотя до этого едва ли здоровались больше трёх раз, да и то лишь где-нибудь на балах или обедах.

– Думаю, вы хотите навестить графиню? – сразу догадался хозяин дома. – Так она как раз недавно вернулась с прогулки.

– Да, хотел бы её повидать, – отвечал генерал, – и сразу хочу вам выразить свою признательность за то, что вы предоставили кров ей и моему племяннику.

– Признательность? – Фейлинг развёл руками, как будто удивлялся. – О чём вы, дорогой господин барон? То большая честь приютить графиню и юного графа у себя под крышей. Тут едва свары не вышло среди местных нобилей, всё спорили, кому выпадет сия удача. На меня так многие злятся, что не их дом, а мой выбрала графиня.

«Он! Он ей денег дал на бал! – тут же подумал генерал. – Прослышал про мои удачи и про милость герцога, и теперь думает, что я все её долги выплачивать буду!».

– Я провожу вас, господин барон, – продолжал гостеприимный хозяин, – сюда, прошу вас.

– Благодарю, – Волков пошёл за ним.

А Фейлинг, как только их никто не мог уже слышать, вдруг, понизив голос, заговорил:

– Уж и сами вы, господин барон, видите, что ситуация эта абсурдна.

– О чём вы, дорогой Хуго? – не понимал Волков.

– О доме, господин барон, – всё так же негромко продолжал Фейлинг. – О том, что юный граф имеет тут огромный дом, то есть дом, в котором должен жить, но по несправедливой воле в свой дом попасть не может.

Теперь генерал понял, к чему клонит радушный хозяин. А тот продолжал:

– Я справлялся недавно, в реестрах владения города Малена дом с мезонином, что находится на площади святого Фомы, возле церкви того же имени, принадлежит гербу графов Маленов, а именно графу лично, лично. То есть вашему племяннику и никому другому. И принадлежит навечно!

«К чему это такие речи? Уж не в друзья ли набивается? Хотя, конечно, набивается. Наверное, жалеет, что бывший глава фамилии не согласился женить своего сына на моей племяннице. Теперь завидует Кёршнерам, поэтому и привечает Брунхильду с «племянником», печётся о них».

– И я в том справедливости не вижу! – соглашался с Фейлингом генерал. – Племянник не должен ютиться по добрым людям, когда у него свой дом имеется.

– И я же к тому веду. Но не в том смысле, что не рад я графу в своём доме, я-то как раз рад, – продолжал хозяин дома, – но я предложил графине подать прошение в городской совет. Так как простой городской юрист такой серьёзный вопрос не решит. И если совет примет решение, то консул может силою закона вернуть недвижимость графу, племяннику вашему.

Волков шёл, смотрел на него, кивал и выражал полную поддержку подобным идеям. Но сам при этом думал:

«С чего бы этакий друг у меня объявился? Отчего именно сейчас возник? Раньше Фейлинги всё больше к семейству Маленов благоволили, а теперь и «сестрицу» с «племянником» привечают под своей крышей, и хлопотать о их интересах готовы. И сдаётся мне, дело тут не в деньгах, видно, прав Кёршнер, эти ловкачи из Вильбурга какие-то вести раньше других получают!».

Они наконец дошли, и в большой, светлой зале со множеством окон генерал увидал свою «сестру».

Выглядела она изумительно. Женщина изменилась. Изменилась разительно. Заметно похудела, стала носить новое платье, такое, которое в земле Ребенрее ещё мало кто носил. Платье синего бархата туго обтягивало стан красавицы, лиф расшит серебром. Никаких декольте, ворот из белоснежных кружев под самый подбородок, манжеты на рукавах – те же пышные кружева. Светлые её волосы собраны в безукоризненную высокую причёску и заколоты черепачковым гребнем с жемчугами. От фаворитки сюзерена, от той придворной дамы, чьё нескромное декольте волновало всех мужчин в замке, и следа не осталось. Теперь это была первая дама рода Маленов. Гордая, высокородная и необыкновенно красивая.

Увидав хозяина дома и генерала, Брунхильда сразу поспешила им навстречу и за десять шагов от них остановилась и присела в таком низком книксене, что можно было подумать, что встала на колени. И при этом склонила голову и в таком положении дождалась, пока «брат» подойдёт к ней, а когда он подошёл, то взяла его руку и поцеловала, сказав:

– Храни вас Господь, господин мой и брат мой.

И тогда генерал взял её за плечи и расцеловал в щёки. Она пахла необыкновенно хорошо и была свежа.

– Сестра моя, – он чуть отстранился от неё и оглядел пристально. – Да вы похорошели! Я всегда знал, что двор дурно на вас сказывался.

И лишь после этого графиня поглядела на Хуго Фейлинга и произнесла, протягивая руку:

– Дорогой Хуго.

Фейлинг проворно схватил руку красавицы и поцеловал её.

– Госпожа графиня.

И тут вдруг барон подумал, что, может быть, не так уж Хуго Фейлинг корыстен в своём радушии и гостеприимстве. Вернее, корысть его иная. Кажется, у него были другие виды на гостью, не столько его заботили дела политические, сколько... дела сердечные. Эта мысль неприятно кольнула Волкова, уязвила позабытым чувством. И чтобы проверить свою догадку, он говорит Брунхильде:

– Отчего же вы не остановились у родственников? Клара Кёршнер, кажется, обижается на вас. Да и сам Кёршнер вам будет рад. Они думают, что вы злитесь на них за что-то.

Он, всё это говоря графине, сам краем глаза поглядывал на хозяина дома и сразу заметил, как тот обеспокоился. И захотел даже что-то сказать, но одумался и сдержался.

– Так мы были с графом только что у них, – отвечала Брунхильда. – Обедали – позавчера, кажется.

И тут генерал, следя за Фейлингом, и говорит ей:

– Так, может, уже вы не будете злоупотреблять гостеприимством дорогого нашего хозяина, а поедете к Кёршнерам жить?

И его догадка оказалась верна. Тут уже Хуго Чёрный не выдержал и заговорил быстро:

– Уверяю вас, барон, графиня в доме нашем гостя наиприятнейшая, а Кёршнеры... Кёршнерам и вас, барон, довольно будет. Не всё же счастье им.

«О-о... Счастье! Червяк! Ещё немного, и начал бы эту потаскуху прямо при мне за подол хватать, чтобы от себя не отпустить!».

И графиня тоже заметила излишнюю пылкость Фейлинга и, мягко улыбаясь, чтобы успокоить хозяина, сказала:

– Поживу тут пока, раз дорогой Хуго настаивает, а к Кларе Кёршнер буду навещаться почаще.

И её тон, и её удивительный вид, и улыбка этой очаровательной женщины, и осанка, и правильно подобранные слова... Всё говорило о том, что перед ним стоит настоящая графиня. Женщина благороднейших кровей, рождённая и выросшая во дворце.

«Если бы не знал сам, что эта шалава, в грязном трактире в Рютте, давала мелким купчишкам за десять крейцеров, так Расскажи кто – и не поверил бы! Теперь уже и не знаю, считать ли её ещё душой... Надеюсь, что у этого болвана Фейлинга она ссужает деньги без расписок. Надо будет о том спросить у неё!».

А «болван Фейлинг», поняв, что гостя его дом ещё не покидает, обрадовался и решил дать брату и сестре поговорить.

– Оставляю вас, господа.

И, поклонившись, ушёл. Волков, кивнув в ответ и проводив его взглядом, взглянул на красавицу и спросил:

– И зачем он тебе?

– Так у вас учусь, братец, – отвечала графиня, продолжая мило улыбаться. – Завожу друзей, где можно. Тем более что он мне дом обещал отобрать у Гейзенберга. Не вечно же мне с графом по чужим углам слоняться, пора уже нам и свой кров занять.

Фон Гейзенберги были одной из ветвей фамилии Маленов; Волков точно не помнил, но, кажется, глава рода Гейзенбергов был одним из младших братьев мужа Брунхильды.

– Интересно только, чем ты за дружбу сию платишь? – вкладывая всё своё недовольство в эти слова, интересуется барон.

– А тем, чем и всегда! – весьма нагло отвечает ему красавица.

Она продолжает улыбаться, и эта её ухмылочка раздражает Волкова, он говорит ей:

– Только позоришь меня.

– А с герцогом-то я вас не сильно позорила, и про то все вокруг знали, а как с Хуго, так сразу большой позор, – усмехается Брунхильда. – Хотя про него никто и не знает.

– То герцог, а то купчишка... Нашла, что сравнивать! – продолжает высказывать ей барон. Он подходит к окну и смотрит на улицу. И продолжает, не поворачиваясь к ней. – И будь уверена, уже, наверное, языки про вас болтают в городе.

– Так и пусть болтают, языки на то и даны, чтобы болтать, – легкомысленно заявляет красавица, подходя к нему.

«Так и пусть болтают!».

Конечно, он был недоволен этой её новой связью... Смотрел на неё с укором. И тут же иные мысли посещали его: но с другой стороны... Если фамилия Фейлингов поможет вытряхнуть Гейзенбергов из графского дворца и передать его Брунхильде, это будет очень важной победой, несомненным успехом. И дело тут не только в доме, но и в том, что Малены никогда Фейлингам этого уже не простят и тем самым навсегда привяжут эту влиятельную семью, одну из сильнейших в городе, к нему, к Эшбахту.

«Возможно, всё сложится и неплохо!».

Но вид его был суров, брови от размышлений сдвинуты; графиня понимает всё это немного иначе, подходит, берёт его под локоть и кладёт его ладонь на свою руку, а головку с точёными чертами склоняет на плечо «братцу» и говорит примирительно, ласково:

– Уж не ревнуйте, братец, так было нужно. Ко двору мне дорога теперь заказана, где-то нужно искать мне новый дом. Свой дом. Придётся жить в Малене или в Грюнефельде. И вам в том никакого неудобства не будет, а коли надобность во мне у вас случится, так зовите и пользуйтесь, вы мне никогда в тягость не были. И впредь не будете. Иной раз я и сама думаю о вас.

Генерал поворачивает голову к ней, смотрит на красавицу... И снова думает о том, что нет равных в красоте этой женщине. Даже красивая госпожа Ланге, и та графине в том неровня. А теперь ещё новый вид этой женщины, вид целомудренный и строгий...

И у него появляется желание её поцеловать, благо губы ангельские – вот они, рядом. Он едва сдерживается – у окна же они стоят, мало ли кто смотрит с улицы... Барон смотрит на её прекрасное лицо: «Чистый ангел плеча челом коснулся! Вот только очень этот ангел изворотлив, и хотелось бы знать, когда этот ангел врёт, а когда говорит правду!».

Глава 10

Её близость будоражит его. Но он успокаивает себя и думает о том, что если бы она ещё и с деньгами могла управляться, не транжирила бы их бездумно, то умом могла бы и с Бригитт посоперничать. Наконец он спрашивает у неё:

– А граф где?

– Спит. Были сегодня на конной прогулке. Умаялся. Уже засыпал, когда домой возвращались.

– На какой ещё прогулке? – насторожился Волков. Он прекрасно понимал, что несколько родственников из фамилии Мален готовы будут заплатить, чтобы юного графа не стало. Заплатят, и много. И то будет плата обоснованная. Титул и имя Маленов стоят гораздо больше. – За городом, что ли, были?

– Не волнуйтесь, братец, – сразу стала успокаивать его Брунхильда, – с нами было семь человек охраны. И один из них ваш бывший человек. Человек, что вас боготворит.

– Кто таков? – интересуется барон.

– Славный молодой человек, Курт Фейлинг. Всё время о вас говорит, о всех ваших походах знает.

Конечно, Волков помнил храбреца Курта Фейлинга. Но это генерала не успокаивало.

– Фейлинги всегда за Маленов стояли, и если ты не знаешь, то прежний глава рода хотел с нами породниться, так Малены его отговорили, и он побоялся их послушаться.

– То раньше было! – уверенно говорит женщина. Она ещё и едва заметно улыбается при этом.

– Глупая! – Волков говорит это почти беззлобно. – Малены заплатят за убийство графа гору золота. И Фейлинги тебя предадут. Потому и говорю тебе, чтобы ты переезжала к Кёршнерам. Там вам будет безопаснее. Или ты думаешь, что сможешь управлять влиятельной фамилией тем, что у тебя под юбкой?

И тут Брунхильда вдруг засмеялась. Казалось бы, испугаться его слов должна, а эта гусыня смеётся в голос. И тем ещё больше злит генерала.

– Чего же ты смеёшься, глупая?

– Тем, что у меня под юбками, я и герцогом управляла, вас с ним помирила, а тут Фейлинги какие-то! Да и не только я тому виной, что Фейлинги теперь нам будут служить. Но и вы.

– Я? – не совсем понимает генерал.

– Конечно, вы... – продолжает красавица. – Тут все носы по ветру держат. Все знают, что вы нынче в большой милости у Его Высочества. И пока та милость не закончилась, я хочу дом у Гейзенбергов отобрать, хочу во владение помещьем, что принадлежит моему сыну, вступить. Довольно уже Маленам нас грабить. Я опекун графа. Мне должно управлять имениями его. И Фейлинги мне в том обязаны помочь, и начну я с городского замка. Себе его хочу.

Тут уже Волков смотрит на неё с некоторым удивлением. Совсем не та это Брунхильда, разбитная и весёлая красавица пышная, что порхала когда-то при дворе курфюрста. Эта была женщина с глазами цепкими, внимательными, насторожёнными.

И заметив его взгляд, красавица и спрашивает:

– Отчего же вы на меня так смотрите?

– Удивляюсь тебе. Как быстро ты поумнела. Откуда ум вдруг взялся?

– Поумнела сразу, как только от двора отбыла. Ещё до отъезда вдруг поняла, что нам с графом и деться некуда. Первым делом стала думать, куда ехать. К вам в Эшбахт? Так ни ваша жена, ни ваша фаворитка меня никогда не жаловали, чувствовали бабьим чутьём, что ли, подвох...

– Ничего, приехала бы, я бы тебе дом поставил. Или поехала бы в Грюнефельде.

– Ну, когда совсем некуда будет податься, так и сделаю. Хотя, по мне, жить в такой глуши, как ваш Эшбахт или Грюнефельде, так лучше вообще не жить, – смеётся Брунхильда.

– Избалована ты двором, – качает головой генерал. – Жила уж очень хорошо: кухня герцога, его погреба, его портные, лакеи... Сколько он тебе давал серебра на расходы?

– Ах, мелочи, – Брунхильда пренебрежительно машет рукой, – когда двести, а когда и вовсе сто...

– Сто монет в месяц?

– В месяц, в месяц, – говорит красавица.

– Мелочи! – смеётся генерал. – Да у меня за сто монет пять младших офицеров целый месяц жизнью рискуют на войне, – он качает головой. – Сто монет ей мелочь!

– В общем, как от двора меня просили, так я сразу поумнела, – продолжала Брунхильда. – Поневоле умной станешь, как подумаешь, что кучеру и горничным платить нечем будет.

– А секретарь твой где? – вдруг вспомнил барон. И от воспоминания этого как оскомины его лицо перекосила.

– При мне, – спокойно ответила она.

– Деньги ему всё даёшь?

– Так нету теперь денег, только содержание. Он всё понимает, теперь не просит многого. Стал опасаться меня, слушаться. Думает, что погнать могу. Раньше, когда во дворце жили, спесив бывал, теперь нет такого. Тихохонек.

– Денег нет, а пир городской готова оплатить, – вспомнил Волков.

– Так половину Хуго обещал оплатить, – отвечает графиня. – И пир тот не для веселья я собираю. Хуго сказал, что на пиру мне легче себе будет сторонников набрать... – она секунду помолчала и добавила: – Вернее нам, нам с вами, братец. Так что надобно вам на пиру быть, раз уж приехали, и епископу нашему тоже. Езжайте, братец, к нему, просите, чтобы был.

Тут она, конечно, была права, его взлёт при дворе вовсе не обещал ему вечной силы в Малене. Долгого успеха при дворе никто гарантировать не может; Брунхильда, да и фон Фезенклевер, всесильный канцлер и фаворитка принца, тому яркие примеры. Волков отлично понимал это. Как и то, что многие знатные фамилии города всё ещё во многом поглядывали на сильный клан Маленов. И с этим нужно было что-то делать.

– С епископом поговорю...

– Вот за то спасибо вам, братец, – она довольна и целует его в щёку.

– И во сколько же тебе обойдётся бал и пир? – спрашивает он.

Красавица пренебрежительно морщит носик:

– Не так уж и много. Пока что восемь сотен, если придётся ещё вина хорошего покупать и рыбы, то всё равно уложимся в тысячу. А половину Хуго обещал возместить. Бал – это вообще его придумка.

– А деньги на бал, это... это из тех, что я тебе давал? – уточняет генерал.

– Нет, конечно, – она отвечает так, словно он сказал какую-то глупость. – От тех денег давно ничего не осталось.

Тут барон снова начинает злиться.

– Опять занимала?

Но графиня сразу не отвечает, молчит.

– Ну?! – настаивает Волков.

– Уж и не знаю, как ответить, – наконец произносит Брунхильда.

– Говори уже, – злится генерал. – Откуда деньги?

И тогда, вздохнув, она и произносит:

– Я в Ланне была.

Волков даже и не понял поначалу, о чём эта женщина говорит.

– В Ланне? И что? – и только после этих нелепых вопросов до него стало вдруг доходить. – У кого ты там была?

– У племянницы нашей, – отвечает ему Брунхильда.

– И что же она? – спросил генерал с замиранием сердца.

Агнес. Никогда из мыслей его, из его сознания она никуда не исчезала. Хотя и вспоминать о ней генерал не любил, а если и вспоминал, так лишь в том духе, что надо ждать из-за неё неприятностей. Рано или поздно, но неприятности, связанные с нею, так или иначе случатся. Генерал очень любил Ланн. Его роскошь, его богатые храмы, красивый дворец местного курфюрста, широкие площади, улицы, где без труда разъезжались две кареты. Любил его красоту, его распутных и жадных горожанок, которых запросто можно созвать в купальни на обед. И не ездил туда генерал, сам себя обманывая тем, что архиепископ на него, должно быть, зол. На самом же деле не ездил он туда, чтобы не услышать неприятные новости о своей «племяннице». Боялся узнать о каких-нибудь её проделках, боялся, что окажется она в лапах ушлых монахов да начнёт там болтать почём зря. Так и до него доберутся. Дядя её, всё-таки. Да и саму «племянницу» он видеть не очень-то желал. Наверное потому, что отлично понимал, кто она есть на самом деле. Писала она ему редко, пару раз в год. Писала коротко: дескать, всё у меня, «дядя», хорошо. Дом ваш в порядке, тут все опять о ваших победах судачат, и я молюсь за вас.

И он отвечал ей так же коротко, всякий раз думая, что скоро из Инквизиции придет к нему эмиссар и начнёт задавать о «племяннице» нехорошие вопросы. Вот и сейчас он ждал, что Брунхильда начнёт про Агнес рассказывать что-то такое, что он и слышать не захочет, но та стала его своими речами удивлять:

– Она? Да она живёт исправно. И меня приняла как родную.

– Вы же раньше без ругани и минуты прожить не могли, – вспоминает генерал.

– О, – графиня машет рукой, – то когда было. Теперь мы уже не дети малые. В общем, встретила она меня и была со мной ласкова, как никогда не бывала. Правда...

– Что?

– Правда, в доме своём мне отказала, мол, тесно нам там с графом будет, но зато оплатила мне большой дом рядом со своим. Я в нём неделю прожила. Местным нобилям меня представляла... Да! Оказывается, она в Ланне все первые семьи знает, все её там уважают, и даже среди святых отцов она известна своим умом и знанием писания, а она меня при всех величала «тётушкой».

– А ты, видно, за зельем к ней ездила? – догадался генерал. Он вдруг понял, что то, как его сейчас влекло к ней, могло быть и следствием той поездки.

– Да, за зельем, – отвечала Брунхильда вполне буднично – и тут же успокоила барона: – Но ещё его не использую, нужды в нём пока нет. Хуго и без зелья от меня млеет.

«Врёт – не врёт? Врёт, наверное. Вон как близко ко мне подошла и голову на плечо укладывала. То неспроста. Видно, и меня зельем дурманит. Не иначе... Вот паршивая баба!».

И он спрашивает у неё строго:

– А ещё ты попросила у неё денег?

– Спросила, – отвечает графиня. – Так она и не отказала. Дала.

– А откуда Агнес их, деньги эти, берёт, ты не спросила? – с некоторой долей удивления интересуется Волков.

– Что за вздор! – усмехается Брунхильда и смотрит на него чуть снисходительно. – Зачем же мне про то спрашивать? Дала – и слава Богу.

– Расписки ты ей писала? – не обращает на её усмешки внимания генерал.

– Нет, – красавица качает своей головкой. – Ничего не писала, а она и не просила. Дала ларь с деньгами, и всё. Как близкой родственнице. Говорит: как будут, так вернётся.

– И сколько тебе дала эта близкая родственница?

– Пятьсот монет, – отвечает графиня.

– И ты эти пятьсот монет тут же решила потратить на бал и обед? – говорит генерал с упрёком. – А жить дальше на что будешь? Или думаешь, Фейлинг тебе ещё даст?

Но Брунхильда почему-то сразу не ответила. Выждала несколько мгновений и лишь потом произнесла:

– Так она дала мне пятьсот золотых.

– Золотых? – теперь-то барон точно был удивлён. Может, потому снова задал вопрос, на которой красавица ему уже отвечала: – И ты даже не спросила, откуда у неё столько золота?

На этот раз графиня лишь поглядела на него и даже не сочла нужным ему отвечать. А у него в голове вопросы, вопросы...

«Откуда же у Агнес деньги? Чем промышляет? Неужели на зельях столько зарабатывает, что вот так запросто может Брунхильде без всяких расписок дать пятьсот золотых?».

– И что же... Нобили местные её привечают? – наконец спрашивает генерал у своей «сестрицы».

– Привечают. Ручки целуют, кланяются. И мне кланялись низко, – вспоминала Брунхильда.

– Тебе-то – понятное дело. Ты носишь великий герб, ты мать графа Малена, а она кто? – недоумевает Волков.

– А она моя племянница, а ещё племянница знаменитого на всю округу генерала. Любимца двух курфюрстов. Победителя еретиков, – напомнила ему графиня. – Дня не было, чтобы кто-то из нобилей Ланна про ваше здоровье не осведомился, дорогой братец.

И это было ему понятно, но вот откуда Агнес берёт деньги... После рассказов Брунхильды он ещё больше стал волноваться по поводу своей «племянницы».

«Ох, не к добру всё это, ох, не к добру...».

А графиня, увидав его озабоченный вид, стала его гладить по щеке рукой и приговаривать:

– Полно вам, братец, полно волноваться. Вы в большой силе, я теперь тоже в силах, нечего нам с вами бояться. Некого, – и, понизив голос, она добавляет: – А если кто-то нам встанет поперёк, так мы можем и ведьму нашу попросить. Она сказала, что поможет, если на то нужда будет.

Волков глядит на неё так, как будто в первый раз видит, и в который уже раз за эту беседу удивляется:

«Нет, она точно поумнела! Как только от двора её герцогиня отвадила, так сразу поумнела!».

Глава 11

Генерал снова смотрит на красавицу: лик ангельский, глаза чистейшие, губы подкрасила чем-то, грудь из-под узкого лифа просится, женщина ещё и благоухает, и у него опять возникает желание... ну, хотя бы крепко взять её за зад, пусть даже через платье, хоть одной рукой, незаметно, но прикоснуться к её телу...

И тут в коридоре послышались шаги. Генерал и красавица повернули головы на звук и увидели Хуго Фейлинга. Тот на сей раз был одет уже в дорожную одежду, он шёл к ним улыбаясь и когда подошёл, чуть поклонившись, сказал:

– Госпожа графиня, господин барон, надеюсь, что вы голодны, так как ужин уже поспел, – он поворачивается к Волкову ещё раз, кланяется и говорит просяще: – Господин барон, не откажите... Седло барашка, говяжья вырезка с розмарином; понимаю, что моим поварам далеко до столичных, но у нас в Малене мои повара слывут лучшими.

«Заискивает, просит... С чего бы такая ласка?».

Волкову этот горожанин не нравится, уж больно сердечен и радушен, генерал не понимает его неожиданной приязни, но отказываться ему неудобно, всё-таки Фейлинг дал приют его «сестре», хлопочет о её делах, а значит, и о делах «племянника», да ещё готов нести расходы. И поэтому генерал соглашается.

– Конечно, мой любезный друг, – вежливо и мягко отвечает барон, он улыбается и кланяется в ответ хозяину дома. – Почту за честь ваше приглашение и с радостью его принимаю. Уверен, что ваши повара не будут хуже вильбургских.

Этой улыбке, этой манере говорить ласковым голосом, этим оборотам речи за последнее время генерал выучился при дворе. Не одной же Брунхильде там учиться и уметь. И теперь он видел, какое впечатление эта его манера общаться производит на провинциала.

Фейлинг расцветает:

– Ах, как я рад, прошу вас, господа.

Фамилия Фейлингов не так уж и мала, в столовой собралось почти два десятка важных и богатых мужчин и женщин. Хуго по очереди представляет их генералу, а тот демонстрирует перед ними и куртуазность в поклонах, и манеры, и придворный язык, в общем, всё, чему научился при дворе, и, конечно, производит на семейство большое впечатление, особенно на дам. Всё происходит весьма чинно, даже чопорно, все друг другу кланяются, говорят витиеватые приветствия, пока дело не доходит до одного молодого Фейлинга, в котором Волков вдруг узнает...

– Курт!

– Да, господин генерал! – улыбается ему в ответ Курт Фейлинг, один из первых его знаменосцев. Только теперь он уже не тот мальчишка, которого помнил Волков со знаменем у

Овечьих бродов, теперь это молодой мужчина. И вся дворцовая шелуха сразу облетает с генерала, когда он видит своего боевого товарища.

Он просто и без всяких слов обнимает молодого Фейлинга, а потом смотрит на молодую женщину, что стоит рядом с Куртом.

– А это что за красotka?

– Это моя жена, Хельга Гертруда, господин генерал, – отвечает Курт. Он сам просто светится. Ещё бы! Столь важный человек помнит его и так тепло приветствует.

А генерал поворачивается к Хуго Фейлингу и говорит:

– Любезный друг мой, а нельзя ли этого славного молодого человека усадить за стол рядом со мной? У нас с ним есть что вспомнить.

– Усадить рядом? – кажется, Хуго собрался сам сидеть рядом с гостем, но раз генерал просит... – Конечно, конечно, господин барон. Наш храбрец Курт, несомненно, должен сидеть с вами рядом. Я распоряжусь.

Теперь все рассаживаются, и лакеи начинают разносить чаши для омовения рук и потом уже подавать кушанья. И еда и вправду у Фейлинга неплоха, а вот вино... Тут этот пройдоха расстарался, нашёл где-то такого отличного вина, что и не всякое вино из погребов Его Высочества смогло бы с ним соперничать.

– Совсем не плохо! – нахваливал генерал погреб хозяина, делая глоток за глотком из дорогого бокала. – Совсем не плохо! Где вы взяли такое вино? Откройте секрет, дорогой друг.

И то был бальзам на сердце хозяина, он улыбался гостю, говоря:

– Купил я его по случаю у одного локрийского купца, – и обещал: – Я вам пришлю один бочонок, господин барон.

– О, я не в силах буду отказаться, – говорил Волков, выпивая вино до дна и подставляя стакан лакею: наливай ещё.

А потом шла обычная светская болтовня, и хозяева интересовались тем, как он одолел еретиков, и какие нынче нравы при дворе, и кто там нынче в силах.

Волков о том рассказывал всё больше шутя, вспоминая анекдоты из жизни придворных. Старался избегать серьёзных тем, ведь за столом было много дам, а им слушать политическую скуку интереса нет. А вот узнать, насколько глубоки декольте, что сейчас носят при дворе, им было очень даже интересно. И они с удовольствием слушали, как одна баронесса, выпив вина, хвастается своим вырезом на платье. Интересовались тем, что сейчас танцуют в Вильбурге. И кто новая пассия герцога. И хороша ли она. Про это он и рассказывал. Все слушали и смеялись, и над столом висело непринуждённое веселье, только музыки немного не хватало. А потом, выбрав паузу, уже седеющий господин по фамилии Гобен, видно, выпив вина не в меру, вдруг сказал:

– Генерал, а вы знаете, что по уставу города Малена одно место среди городских сенаторов, то есть членов совета города, закреплено за гербом графов Маленов, и всегда один советник в городском сенате представлял фамилию нашей многоуважаемой графини, – он кивнул в сторону Брунхильды.

И тут же за столом веселье поутихло, дамам стал разговор неинтересен. А вот Волков даже отставил стакан. Кажется, и графиня заинтересовалась.

Тут и Хуго Фейлинг стал кивать головой:

– Да, так и есть. Одно место в совете города закреплено за человеком, что представляет герб Маленов. Мы с некоторыми господами как раз недавно о том говорили. Эрнст Гобен, мой шурин, напомнил нам о том неделю назад. Он у нас первый нотариус города и член городского суда. Эрнст прекрасно знает все наши законы.

Тут Брунхильда повернула своё прекрасное лицо к господину Гобену и спросила:

– И кто же сейчас занимает место в сенате?

– То сенатор Эрнхард, – тут же отозвался господин Гобен.

– Господин судья, – продолжала графиня, – а кто же имеет право предлагать в совет человека от герба Маленов?

– Я уже посмотрел законы, и там сказано весьма просто: «от графа Малена должен быть один сенатор», – он развёл руками, – а если граф по возрасту не правомочен, то по всем законам человеческим и божьим назначать представителя в городской совет должен опекун графа, то есть вы, графиня.

Это был очень важный разговор. Волков был осведомлён, сколько сил и денег потратил его родственник Кёршнер, чтобы среди девяти сенаторов города Малена был и его представитель. Все попытки родственника были бесплодны. Эти выборные посты были в городе очень важны. По сути, сенаторы решали, на что пустить городские средства, а также кому потом раздать подряды.

А Брунхильда продолжала интересоваться:

– А кто же направил этого Эрнхарда в сенат?

– Доподлинно мне не известно, я не имею доступа к протоколам совета, – отвечал судья, – возможно, то был господин фон Раух фон Мален, а может, господин фон Гейзенберг; думаю, что кто-то из них. Впрочем, вы, графиня, можете в любой момент опротестовать их представителя. Для того у вас есть все основания. Полагаю, суд примет вашу сторону.

– Пожалуй, я так и сделаю, – произнесла Брунхильда так значимо, так серьёзно, что никто из присутствующих не усомнился, что с этим она уже определилась.

«Да, годы, проведённые во дворце, и пинок герцогини, который её оттуда выпроводил, эту деревенскую девицу сильно изменили».

Волков видел, что она стала иной. Теперь это была взрослая, почти тридцатилетняя женщина, готовая драться за свои интересы и за интересы своего сына. Она готова была схватиться с одной из самых больших сил в графстве. По сути, она собиралась бросить вызов своим «родственникам», всему клану Маленов, который и без того ненавидел её и маленького графа. Возможно, это было генералу на руку. Всё равно вражда с фамилией Маленов у него так и не закончилась. А тут вот она, помощь... Что там ни говори, но очень быстро Брунхильда нашла себе, а значит, и ему, ещё одних сильных союзников в городе. Вот только он не знал, ко времени ли всё это. Вообще-то генерал собирался передохнуть немного, покончить дело с замком, разобраться с долгами. А тут на тебе, новое дело, новая распря. Хотя, вернее, распря старая, только обострившаяся.

И в то же время Волков хотел, чтобы у «сестрицы», и особенно у «племянника», всё было хорошо. И чтобы дом у него был в городе, и замок с поместьем, и чтобы враги не точили на него ножи, не подсылали убийц с ядами.

Когда он отъезжал домой, Курт Фейлинг и ещё два молодых человека взяли его проводить. И хоть и выпил генерал изрядно отличного вина, ума от него не терял. Он не зря привлекал молодого Фейлинга с самого начала, не просто так сажал с собой рядом за стол и всячески возвышал при родственниках. Теперь, когда никто из них не мог слышать, генерал спрашивал у Курта:

– Раньше семья Фейлингов всегда за герб Маленов стояла, со мной породниться не захотела, отчего же теперь такая ласка?

– Так Хуго говорит, что мы и сейчас за герб стоим, только теперь семья Маленов – это графиня Брунхильда и граф, а уже потом все остальные Малены, – отвечал молодой человек. И тут же добавлял, усмехаясь: – А ещё он говорит, что вы при дворе большую силу взяли. Что герцог к вам благоволит, – кажется, он был рад помочь Волкову. И, уже не стесняясь, рассказывал: – А ещё говорит, что вы и тут большую силу берёте, что через Эшбахт ваш много товаров пошло, что замок вы такой строите, что с ним вам некого будет бояться. Как достроите, так все верховья Марты, вся торговля на реке ваши будут. Он говорит, что Фезенклеверы с

вами в большой дружбе, а значит, и другие сеньоры и рыцарские фамилии тоже дружить будут. А значит, старые Малены уступят вам, Маленам новым.

Это всё было похоже на правду, но Волкова интересовал ещё один нюанс, про который Курт Фейлинг либо не хотел говорить, либо о нём не знал. И тогда Волков начал тот разговор, о котором подумал сразу, когда только увидал своего знаменосца:

– Дорогой мой Фейлинг...

– Да, генерал?

– Вы должны понимать, что графиня и граф – люди для меня очень близкие. Не менее близкие, чем моя жена или мои дети.

– Я прекрасно это понимаю, – тут же отозвался молодой человек.

– И поэтому я прошу вас как старого друга приглядеть за графиней и графом. Я хочу быть уверенным, что моя сестра и мой племянник в вашем доме будут в безопасности, – продолжал барон.

– Но они там и вправду в безопасности, – стал уверять его молодой Фейлинг. – Но если вам так будет легче, я буду теперь с ними всё время рядом.

– Дорогой Курт, – Волков был показательно ласков. – Вам, моему боевому товарищу, я доверяю больше, чем главе вашей фамилии. И прошу вас, если вдруг... вы что-то почувствуете или узнаете... если вдруг случится какая-то опасность... сразу отвезёте графиню и графа в дом Кёршнеров, если в городе не будет меня.

– Клянусь вам, господин генерал, – отвечал молодой человек с горячностью, видно, его тронули слова о военном товариществе, – я сделаю всё, чтобы с головы графа и графини не упало ни волоса.

Это были как раз те слова, что Волков и хотел услышать, но это было ещё не всё, и тогда он сказал:

– Графиня собирается завтра на ужин к Кёршнерам, приезжайте с нею. Вам там будут рады.

– А если графиня спросит, зачем я еду с нею?

– Скажите ей, что вы с нею по моей просьбе, – отвечал барон.

Вскоре они подъехали ко дворцу Кёршнеров, где тепло простились.

Барон не стал тревожить хозяев и тихонько поднялся в свои покои. Он чувствовал некоторый подъём перед будущей схваткой. Ему не терпелось выяснить диспозицию, знать, на кого в городе он может рассчитывать, а кто будет поддерживать его врагов. Но уже сейчас он понимал, что превосходство в силах будет на его стороне. И поэтому собирался добыть Брунхильде и «племяннику» большой дом, соответствующий их статусу и, кстати, принадлежащий им по праву, а родственнику Кёршнеру – место в городском совете. Кёршнер был главным его кредитором, он никогда не отказывал Волкову в деньгах, и тот хотел наконец отблагодарить его; впрочем, ему и самому не помешал бы свой собственный сенатор. Город в последнее время быстро богател, и свой человек в городском совете помог бы ему стать хоть немного ближе к тем богатствам. Так что советником они смогли бы «пользоваться» совместно. В общем, у него было много мыслей на сей счёт. Но вино не дало ему возможности всё обдумать. И он заснул быстро и спал всю ночь не просыпаясь.

Глава 12

Большой конторой Кёршнера, что находилась на улице Кожевников, управлял немолодой, но всё ещё расторопный и хваткий господин Хольмер. Он ещё до рассвета явился в дом своего хозяина, где генерал вручил ему список своих кредиторов, которых он хотел порадовать сегодня.

Господин Хольмер разослал посыльных с приглашениями, а сам велел убратся в конторе. Додумался в одной из комнат поставить стол со скатертью, принести хорошие стаканы и

блюда, отправить человека за вином и сыром, оплатив их вперед, как просил его о том важный гость господина Кёршнера.

А когда колокола на колокольне собора Пляцаницы Господней только пробили десять часов дня, так в конторе появился и сам важный гость. Барон фон Рабенбург. Он оглядел стол и блюда с сырами, попробовал приготовленное для гостей вино, остался всем доволен, велел заносить сундуки с деньгами и уединился со своим серебром в одной небольшой комнате. А вскоре стали появляться и его кредиторы. Приезжали на каретах, верхом и даже приходили пешком. В общем, гости устроили на улице Кожевников затор, перегородив своими каретами движение.

И тут наблюдательный и знающий город господин Хольмер вдруг начал замечать, что к конторе приехали не только те, кто бароном был указан в списках. Приезжали и многие другие влиятельные люди, которые в кредиторах барона не значились. А вскоре в конторе появился и сам хозяин заведения господин Кёршнер. И тут умный господин Хольмер понял, что это будет нечто похожее на дневную ассамблею, что иной раз случается в ратуше, когда по какому-то важному поводу туда собираются все нобили города, чтобы обсудить что-то насущное.

«Ишь ты! И эти здесь!» – удивлялся и кланялся господин Хольмер, увидав перепрыгивающих лужи перед самой конторой бургомистра Ольбрехта и секретаря магистрата Цойлинга.

И тогда управляющий послал людей в точильные цеха, чтобы оттуда принесли ещё лавок для прибывающих господ, а также послал человека купить ещё вина и ещё сыра, так как уже купленного будет для такого множества гостей явно недостаточно.

Прибыл и господин Виллегунд, старый знакомец генерала, некогда бургомистр, а нынче помощник первого консула города господина Герхарда Ключа, который недавно стал главой купеческой Гильдии Малена. Хоть сам Ключ и не давал Волкову денег, но банк Гильдии генералу ссудил сумму немалую, и посему консул тоже был тут. Приехали пройдохи и проныры братья Мельдениц, быстро разбогатевшие и ныне известные в городе менялы, чья банка стояла на главной площади города; с ними был их дружок, тоже знакомец барона, голова цеха извозчиков и секретарь гильдии коновалов Гефельрод. С ним Волков, а вернее, его племянник Бруно, имел много дел, так как именно Гефельрод брал почти все подряды на перевозку угля от пристаней в Амбарах до складов в Малене. Его же извозчики возили и лес от пирсов, и проволоку и железный лист от кузниц на реке. Поговаривали, что в его конюшнях было более пятидесяти меринов, не считая коней на развод и десятков мулов. Его отец был выходцем из мужичья, взявшим себе звонкую фамилию. Гефельрод поначалу не умел себя вести и иной раз скатывался в неуместное панибратство. Думая, что, одалживая деньги барону, может запросто приглашать его к себе в гости. Несколько лет назад было такое... Не понимал купчишка, что только первые фамилии города могут приглашать в гости барона и генерала герцога. Да и то не на всякое приглашение тот ответит. Но теперь глава цеха извозчиков пообтесался в обществе и, глядя, с каким уважением все остальные относятся к генералу, купчишка понял своё место, поуменел и стал вежлив.

Был тут и Людвиг Остен, невзрачный человек, о котором говорили, что по богатству он мог соперничать даже с Кёршнером. Шуба его была стара и потёрта, старший сын его, Александр, пришедший с ним, тоже был неказист на вид, зато в совете они имели двух сенаторов, один из которых баллотировался от Коммуны Южных ворот, крупнейшей коммуны города, а второй – от Гильдии Каменщиков и Камнетёсов. Гильдии, в которой состояло более четырёх сотен мастеров, не считая подмастерий. Известен он был ещё и тем, что брал на откуп у города его загородные угодья, в которых выдавливал из местных мужиков деньги без всякой жалости. Он тоже был кредитором барона. Причём барон его недолюбливал за то, что условия контракта с ним были самыми неприятными и тогда Остен просто выкрутил ему руки, так как Волкову срочно нужны были деньги, и старый банкир этим пользовался.

В общем, больше половины городских нобилей в это утро съехалось в контору Кёршнера. И все ждали Волкова, и тот вскоре появился в зале с Кёршнером, а несколько человек несли за ними тяжёлый сундук. Он кланялся людям не так чтобы низко, но и не без уважения. И удивлялся тому, что, кроме его кредиторов, тут были люди, которым он ничего не был должен, в том числе и выборный капитан городского ополчения Генрих Вайзен, весьма опытный офицер, который за последние три года на своём посту многое сделал для города и его обороны. Мало того, сюда он пришёл с одним из своих лейтенантов, Карлом Хольвертом, представителем городского рыцарства, старого военного рода города Малена.

«Интересно, а эти что тут делают? Я им, кажется, ничего не должен. Видно, пришли расспросить меня о войне с ван дер Пильсом».

Генерал был со всеми приветлив, даже со стариком Остеном. Раскланявшись со всеми и перебросившись парой фраз с коллегами по воинскому ремеслу, он ушёл в отдельную комнату с Дитмаром Кёршнером и туда стал приглашать всех кредиторов; первыми звал тех, к кому был расположен более других. Там он с кредиторами глядел контракты, потом с ними же высчитывал суммы по процентам, отсчитывал деньги и выдавал их заёмщику. После чего тот писал ему расписку в получении. Дитмар Кёршнер и Хенрик помогали ему. А управляющий Хольмер развлекал, как мог, ожидающих господ разговорами, вином и сырами.

Не много времени прошло, как сундук опустел. Волков заглянул в него и увидел лишь немного полных мешочков и много пустых. От всех его привезённых денег осталась всего пара сотен золотом и чуть больше двух тысяч серебром; он положил на них сверху собранные от кредиторов расписки и запер сундук.

«До следующей весны эти чертовы хищники не будут меня истязать. Но нужно всё-таки найти им деньги. Если всё время выплачивать только проценты... мне придётся распродавать поместье!».

Они с Кёршнером вышли из комнатухи, где вели расчёты, и генерал понял, что собрание вовсе не закончено. Даже те, кто получил свои проценты, никуда не уехали.

– Остальные господа собрались в большой комнате, – сразу сообщил им управляющий Хольмер.

Волков взглянул на родственника и спросил у него:

– А что же им надо? Поприветствовать хотят? Так на днях бал будет, могли бы поприветствовать там.

– Э... – закричал Кёршнер, и барон сразу понял, что его дородный родственник в курсе происходящего. Тот покряхтел и добавил: – Это не совсем приветствие. У них к вам разговор.

– Разговор? Что за разговор? – насторожился генерал. Он подумал, что слухи про намерения Брунхильды насчёт дома и поместья дошли до горожан и они во избежание свар в городе будут просить его умирить сестрицу, но эта догадка барона оказалась неверна, так как Дитмар Кёршнер прошептал ему доверительно:

– Они хотят поговорить с вами насчёт грабежей на реке.

«Ах вот как! Ну, хорошо, что не про Брунхильду и её претензии к Гейзенбергам».

– Что ж, дорогой родственник, раз столько важных господ собралось говорить с нами, невежливо заставлять их ждать.

Волкову и Кёршнеру управляющий Хольмер оставил самые почётные места во главе стола. Они поздоровались ещё раз с собравшимися и уселись в свои кресла. Один из писарей конторы тут же налил им вина. И только после этого глава города Ольбрехт взял на себя смелость начать:

– Барон, многоуважаемый генерал, мы наслышаны о ваших новых победах, знаем, как высоко Его Высочество оценил ваши деяния, и несказанно рады тому, что вы наш земляк. Ваша сестра графиня как наследница старинных традиций даёт пасхальный бал, и мы про себя решили, что это будет бал и в вашу честь.

Волков, чуть улыбаясь, кивает.

«Надеюсь, что вы приготовили кроме праздных слов ещё что-нибудь... что-нибудь более осязаемое».

А бургомистр продолжает:

– Но, к сожалению, будущие Пасха и бал омрачены неприятными происшествиями. У нас случились грабежи на реке. И мы ждали вас, господин генерал, от самого Рождества, чтобы вы помогли разрешить этот печальный вопрос.

– А... – произнёс Волков, как бы вспоминая, – я что-то слышал; кажется, епископ мне писал о том... Будто на реке лихие люди пограбили две баржи...

– Тринадцать, господин генерал, – поправил его секретарь Цойлинг.

– Тринадцать? – удивился тот.

– К сожалению, уже тринадцать, – сокрушался глава города. – А также разбойники напали на Лейдениц.

И тут обратил на себя внимание капитан Генрих Вайзен. Он неожиданно заговорил:

– Они знают своё дело, разграбили склады, что у пирсов. Вглубь города не пошли. Грабили полдня, пока не подошли силы из Эвельрата, а как подошли добрые люди, разбойники с ними драться не стали, тут же сели на лодки и уплыли.

– Взяли много хороших товаров, одного сукна синего сорок отрезов, на сумму четырнадцать тысяч талеров, – продолжал секретарь. – Фогт архиепископа Ланна во Фринланде, господин Райслер, писал нам о том подробное письмо. Там указано всё ценное утерянное имущество. А также жалобы побитых людей.

– И фогт написал это письмо вам, господин бургомистр? – спрашивает Волков.

– И мне, и сенаторам города также, – подтвердил Ольбрехт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.